92 $\frac{3}{34}$

ЗАГРОБНЫЯ ЗАПИСКИ

КНЯЗЯ НИКОЛАЯ СЕРГѢЕВИЧА

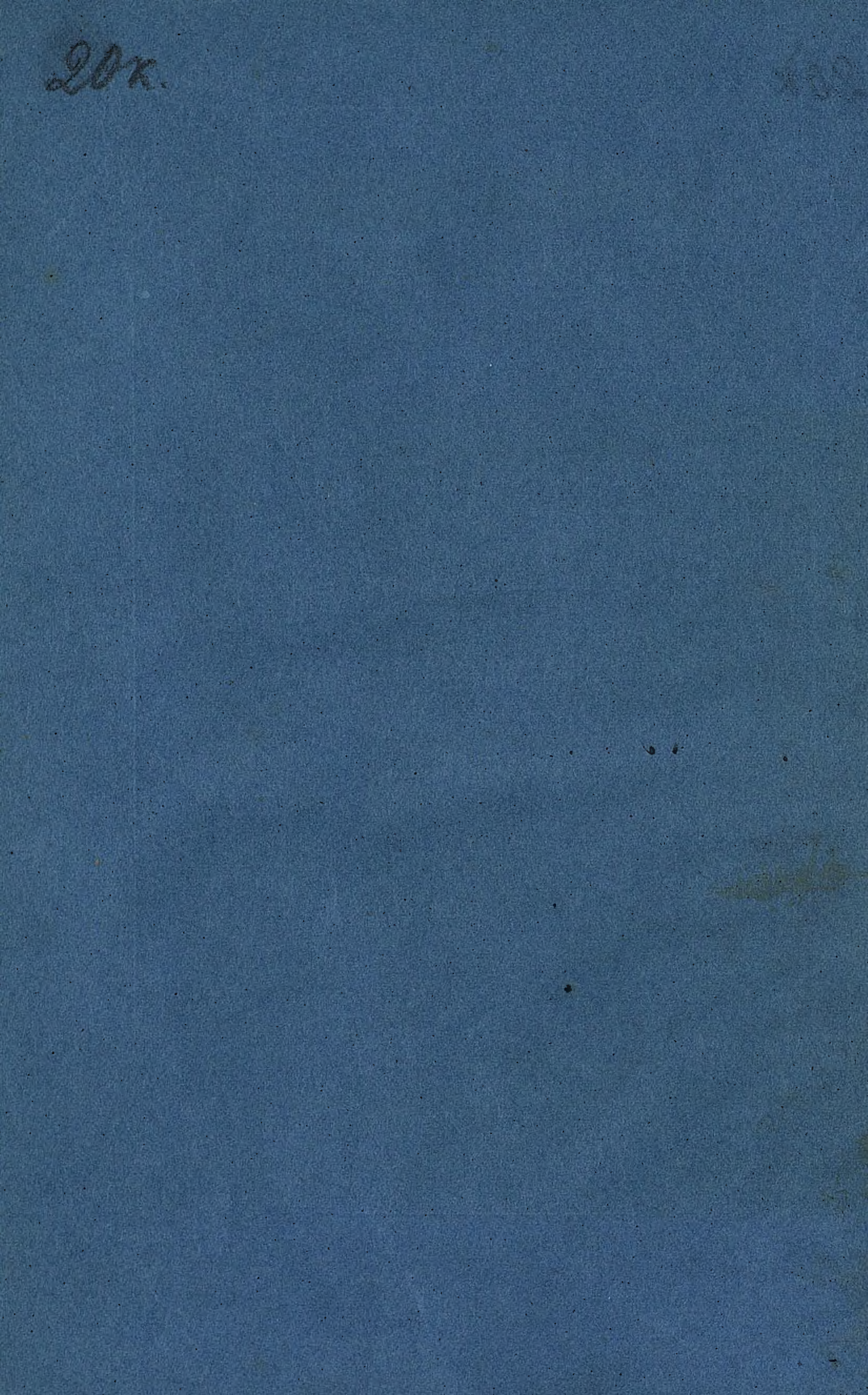
ГОЛИЦЫНА,

ИЗЪ СКАЗАНІЙ ДЯДИ ЕГО,

КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА

ГОЛИЦЫНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1859.

20к.

ЗАГРОБНЫЯ ЗАПИСКИ

КНЯЗЯ НИКОЛАЯ СЕРГѢЕВИЧА

ГОЛИЦЫНА,

ИЗЪ СКАЗАНІЙ ДЯДИ ЕГО,

КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА

ГОЛИЦЫНА.

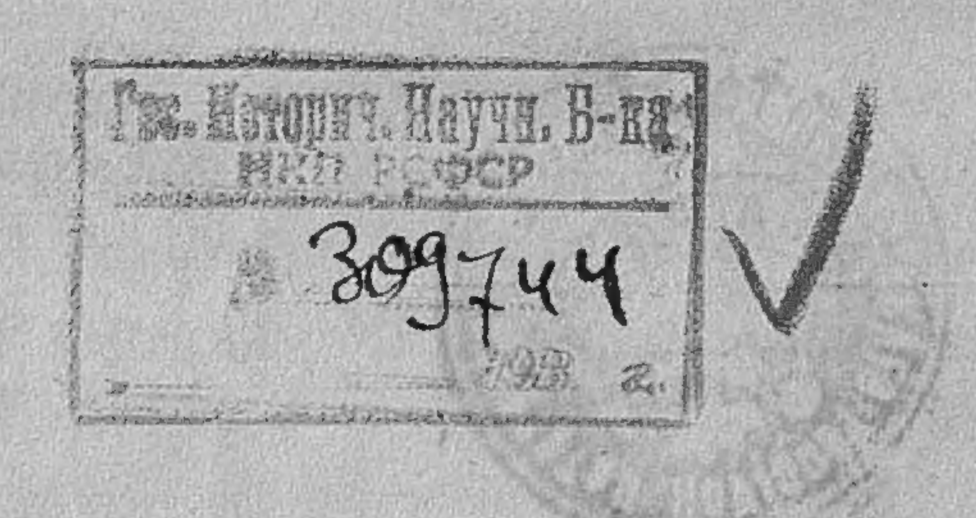

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатано въ Военной Типографіи.
1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ. 21-го Ноября 1859 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

(*Русск. Инвал.*, №№ 143, 144 и 145 1859 г.)

КЪ ДРУЗЬЯМЪ-ПОЧИТАТЕЛЯМЪ КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА ГОЛИЦЫНА.

Недавно издали мы надгробное слово *вельможѣ-христіанину* Александра Скарлатовича *Стурдзы.*

Долгъ уваженія къ достойному панегиристу друга человѣчества велитъ сказать, что А. С. Стурдза скончался 13-го Іюня 1854 года, не имѣвъ иныхъ потомковъ, кромѣ единственной дочери, Маріи Александровны, въ замужествѣ за Княземъ Евгеніемъ Григорьевичемъ Гагаринымъ, сыномъ извѣстнаго Князя Григорія Ивановича, нѣкогда, въ царствованіе Императора Александра I, состоявшаго при Оберъ-Гофмейстерѣ Родіонѣ Александровичѣ Кошелевѣ по Испанскимъ дѣламъ, потомъ, въ правленіе Императора Николая I, посланникомъ въ Римѣ и Мюнхенѣ. Для сохраненія угасавшей фамиліи Стурдзы, еще за 6 лѣтъ до кончины панегириста, Высочайшимъ Указомъ 31-го Марта 1848 года, старшему внуку Александра Скарлатовича, Князю Евгенію Григорьевичу съ потомствомъ присвоено наименованіе: *Гагаринъ-Стурдза.* Такъ и не погасло имя человѣка, съ пламеннымъ усердіемъ подвизавшагося на разныхъ поприщахъ служенія отечеству. Вѣнценосный Преемникъ Александра Благословеннаго уважилъ заслуги его въ предшествовавшую эпоху.

Нынѣ, пользуясь дозволеніемъ племянницы Князя Александра Николаевича, Княгини Анны Петровны Голицыной, спѣшимъ мы привесть въ извѣстность начатыя покойнымъ ея супругомъ повѣствованія, неконченныя за постигшею его смертію, но тѣмъ не менѣе любопытныя.

Изданіе сихъ повѣствованій въ 2-хъ тысячахъ экземпляровъ предоставляетъ княгиня въ распоряженіе Предсѣдательницы Дамскаго Тюремнаго Комитета, Татьяны Борисовны Потемкиной, на подкрѣпленіе средствъ заводимой Комитетомъ школы при Дѣтскомъ Тюремномъ Пріютѣ.

Вотъ предисловіе Князя Николая Сергѣевича Голицына:

«Если жизнь полководца, увѣнчанная славными подвигами, которые ведутъ къ главному результату цѣлой кампаніи, никогда не перестанетъ украшать вѣчную скрижаль исторіи, то какъ допустить, чтобъ могли сокрыться въ неизвѣстности отъ потомства дни гражданскаго сановника, изчисленные полезными учрежденіями, обращенными на внутреннее благосостояніе частей, ввѣренныхъ его управленію, борьбой съ прежнимъ, вкоренившимся зломъ,— сквозь всѣ препятствія, поставленныя временемъ и мѣстностью; скажу болѣе: этой силой и высокой побѣдой живой, дѣятельной мысли надъ вещественностью. Нѣтъ! Безпристрастно взвѣшивая и подвигъ воина и полезную услугу гражданина, та же исторія равно оцѣнитъ нѣкогда и мирную дѣятельность послѣдняго.

«Отрадное предположеніе, внушенное сознаніемъ истины и благоговѣніемъ къ памяти достойнаго мужа, осмѣлило миня писать отрывки изъ жизни Князя Александра Николаевича Голицына, по его разсказамъ.

«По мнѣнію нѣкоторыхъ, въ этой попыткѣ слѣдовало ограничиться разсмотрѣніемъ предмета съ одной религіозной стороны; но разнообразіе самаго предмета въ его отношеніяхъ не допустило меня вполнѣ воспользоваться совѣтомъ. Заслуги Престолу и Отечеству, оправдавшія высокую довѣренность въ продолженіи двухъ славныхъ царствованій, гдѣ Князь Голицынъ постоянно дѣйствовалъ въ томъ счастливомъ вліяніи гражданина и человѣка, которое недоступно безъ примѣненія спасительной религіи, самыя бесѣды почтеннаго старца, столь много видѣвшаго,—а онъ любилъ припоминать былое вмѣстѣ съ блескомъ и славою двора Екатерины, — побудили собрать по возможности и познакомить соотчичей съ разсказами, не для всѣхъ извѣстными.

«Разнообразіе частей, которое заключаетъ въ себѣ жизнеописаніе, дало ему форму записокъ, къ сожалѣнію не совсѣмъ полныхъ, по недостатку въ источникахъ. Чтожъ принадлежитъ до принятой формы, то всякій, безъ сомнѣнія, скорѣе найдетъ недостатки въ художественномъ исполненіи, нежели, по примѣру многихъ иностранныхъ записокъ, уличитъ составителя въ самолюбивомъ авторскомъ желаніи: занимать безпрестанно только собою, нерѣдко даже отступая отъ главнаго предмета.

«Относительно медленности въ изданіи можно привести мысль, почерпнутую изъ нравственныхъ сознаній человѣка, что истребительное время, отдаляя насъ отъ человѣка, котораго мы любили и имѣли несчастіе лишиться, безсильно истребить чувство утраты: потухаютъ начальные порывы сѣтованія, но тихая скорбь остается навсегда нашимъ достояніемъ; она дорожитъ всѣмъ, что можетъ хотя нѣсколько обновить въ памяти образъ того, кто нѣкогда жилъ между нами, дѣйствовалъ и примѣромъ

*

дѣлъ своихъ заповѣдалъ намъ, оставшимся, примѣръ той безукоризненной жизни, о которой сказалъ поэтъ-витія (*):

Жизнь правыхъ сердцемъ—*поученье;*
Она въ *могилѣ говоритъ!* . . . . .

ЗАГРОБНЫЯ ЗАПИСКИ КНЯЗЯ НИКОЛАЯ СЕРГѢЕВИЧА ГОЛИЦЫНА, ИЗЪ СКАЗАНІЙ ДЯДИ ЕГО, КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА.

I.

Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ перваго класса, Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ родился въ Москвѣ, 8-го Декабря 1773 года. Родитель его, Князь Николай Сергѣевичъ, испытавшій гоненія въ тяжкіе годы властвованія Бирона, принужденъ былъ рано оставить службу. Обстоятельства не допустили его исполнить своего назначенія, но судьба готовила ему иной подвигъ, который ставилъ его, быть можетъ, выше того, къ чему имѣлъ онъ призваніе по своимъ правамъ. Настали времена лучшія для Россіи, и временщикъ, забытый прежними своими искателями, удаленный въ Ярославль, въ одномъ гостепріимствѣ Князя Голицына находилъ себѣ отраду и утѣшеніе. «Добродѣтель безъ свидѣтелей, кромѣ одного въ небесахъ, а другаго въ нашей груди, подъ спудомъ—не есть-ли добродѣтель?» сказалъ одинъ отечественный писатель. Такъ, неизвѣстный на сценѣ политической, Князь Николай Сергѣевичъ остался въ памяти одного семейнаго преданія, уцѣлѣвшаго въ сыновнемъ сердцѣ Князя Александра Николаевича, въ замѣну того, кого опредѣлено ему было судьбою не знать: колыбель сына стала рядомъ съ гробомъ отца.

(*) Мерзляковъ.

Старецъ, на болѣзненномъ одрѣ завѣщая сыну добродѣтель, въ торжественныя минуты перехода въ вѣчность благословилъ его тѣмъ животворящимъ крестомъ, который такъ чудно получилъ его предокъ отъ Царицы Наталіи Кирилловны. Онъ былъ потомкомъ Князя Бориса Алексѣевича Голицына и Княгини Маріи Өедоровны,—послѣдней изъ рода Хворостининыхъ,—сановника, незабвеннаго въ признательной памяти Русскихъ за избавленіе Петра Великаго отъ убійственной руки мятежныхъ Стрѣльцовъ, готовившихся похитить священный залогъ надеждъ и ожиданій соотечественниковъ въ лицѣ ввѣреннаго ему царственнаго младенца. Князь Борисъ Алексѣевичъ первый прискакалъ съ роковою вѣстью о заговорѣ. Царица, испытавшая столько превратностей, уже недовѣрчивая къ самымъ дѣйствіямъ, внушеннымъ добродѣтелью, вводитъ его въ молитвенную и, снявъ крестъ съ мощами, заставляетъ присягнуть въ истинѣ показанія, прибавивъ, что если и онъ говоритъ неправду, то пусть этотъ крестъ покараетъ злонамѣреннаго; если - жъ вѣсть справедлива, то пусть будетъ онъ благословеніемъ ему и всему его роду. Сказавъ это, Царица вручила ему крестъ, который, какъ таинственный символъ искупленія, осѣнилъ въ святомъ дѣлѣ предка, укрѣпилъ въ злополучіяхъ отца и былъ щитомъ вѣры сыну во все долголѣтнее прохожденіе по той трудной стезѣ служебной, на которой Князь Александръ Николаевичъ умѣлъ соединять добродѣтели политическія съ добродѣтелями частнаго человѣка.

До тринадцатилѣтняго возраста онъ пользовался домашнимъ воспитаніемъ. Дошедшее до насъ обыкновеніе западныхъ народовъ требовало, чтобы дѣтей высшаго круга записывали въ военную службу еще младенцами. Служебная линія до-того опережала возрастъ, что едва-

ли не на рукахъ нянекъ видали полковниковъ, вошедшихъ въ пословицу: «Colonels à la bavette». Слѣдуя за общимъ потокомъ, Князя Голицына записали въ Преображенскій полкъ сержантомъ; но уготованное поприще и собственныя склонности ставили непреоборимую преграду желанному успѣху, который опредѣлялся тогда однимъ лишь быстрымъ достиженіемъ чиновъ.

Другая несообразность являлась и на пути образованія юношества; но прежде нежели упомянемъ объ ощутительномъ недостаткѣ, какой представляли у насъ средства, вспомнимъ, что свѣтъ его нигдѣ еще не былъ столь общимъ, чтобы по возможности уравнять степень просвѣщенія между разными сословіями.

Видѣли схоластику, мертвящую способности при начальномъ ихъ развитіи. Частность въ сторону. Если между подвижниками Сорбонны, или другими поборниками науки, укажутъ на имена, заслужившія извѣстность, то и мы можемъ назвать: *Безбородко*, *Завадовскихъ*, *Трощинскихъ*, *Сперанскихъ* и тѣхъ немногихъ, которые въ счастливомъ сліяніи науки съ природными дарованіями вполнѣ оправдали свое призваніе. Съ другой стороны, слишкомъ поверхностное образованіе юношества высшаго круга въ западной Европѣ ставило двѣ разительныя противуположности въ эпоху, въ которую внѣшность замѣняла все существенное. Примѣры блестящихъ формъ свѣта влекли нашу молодежь за границу, и, наконецъ, время, въ видѣ неумолимаго обличителя, застало тогда новое поколѣніе неподвижнымъ на той точкѣ, на которой приготовительное образованіе только испытываетъ силы, безъ примѣненія къ требованіямъ жизни, при умѣ, не привыкшемъ дѣйствовать. Но вырваться изъ этой сферы и стать выше господствующаго

духа—такое усиліе было назначено въ удѣлъ Князю Голицыну.

При всѣхъ описанныхъ здѣсь неудобствахъ и ограниченіи средствъ, онъ оказывалъ достаточные успѣхи въ ученьи. За всѣмъ тѣмъ, болѣе или менѣе разнообразные предметы, служащіе въ начальномъ преподаваніи къ проявленію первыхъ склонностей и первому развитію вкуса при самомъ дѣтскомъ возрастѣ, оставили въ немъ любовь къ языкамъ и словеснымъ наукамъ, предпочтительную предъ математическими. Онъ зналъ хорошо Итальянскій и Французскій языки; исторія была любимѣйшимъ его предметомъ. Раскрывая познанія о человѣкѣ, она заранѣе знакомитъ съ тѣмъ опытомъ, который усиливаетъ въ насъ время. Неразлучно съ природными дарованіями Князя Голицына, изученіе дѣяній человѣческихъ образовало въ немъ этотъ свѣтлый умъ и эту отчетливость въ сужденіяхъ, столь счастливо оправданные впослѣдствіи. Онъ любилъ чтеніе и разсказы про старину, разсказы, въ которыхъ эклектическій взглядъ опыта умѣлъ найти одну занимательную достопамятность, не раздѣляя внушеній односторонности и пристрастія. Между тѣмъ сближалось время разлуки съ кровомъ родительскимъ; десяти лѣтъ онъ былъ записанъ въ пажи; нечувствительно насталъ этотъ часъ, и князь тринадцати лѣтъ былъ отпущенъ къ своему назначенію въ Петербургъ, сопровожденный родственникомъ, Княземъ Барятинскимъ, и рекомендательными письмами, всегда ничтожными безъ собственнаго подвига.

Блескъ двора, утонченность вкуса, любезность, умъ и посреди этого Царица Сѣвера, окруженная лаврами побѣдъ и въ непомеркающемъ вѣнцѣ законодательницы — вотъ первыя, неизгладимыя впечатлѣнія, произведенныя

съ отроческихъ лѣтъ на Князя Голицына; но наступилъ 1787 годъ, и, оставшись одинъ, безъ сердечной, назидательной опоры, онъ готовился испытывать собственныя силы въ самобытныхъ дѣйствіяхъ, осѣняемый издалека молитвою нѣжной матери, этимъ невидимымъ, но истиннымъ присутствіемъ ангела-хранителя. Предъ нимъ уже стояла таинственная урна и въ ней жребій — еще неизвѣстный. Здѣсь мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи изобразить въ краткомъ очеркѣ любопытную эпоху, почерпнутую изъ разсказовъ князя, и должны прервать на время главную нить повѣствованія.

Въ началѣ Января наступившаго года, Екатерина, въ виду завистливой Европы, предприняла достопамятное путешествіе для обозрѣнія недавно пріобрѣтеннаго и уже пересозданнаго Новороссійскаго Края. Все избранное общество столицы и послы первѣйшихъ дворовъ составляли блестящую свиту высокой путешественницы. Вездѣ непринужденная радость и довольство сопровождали Екатерину. Въ Мстиславлѣ Архіепископъ Георгій Конисскій привѣтствуетъ ея рѣчью, которая, по счастливымъ уподобленіямъ, дошла до нашего времени. Далѣе ожидаетъ ее Король Станиславъ; тамъ спѣшитъ навстрѣчу Іосифъ II, незадолго враждовавшій и примиренный величіемъ и славою Царицы Сѣвера. Съ Императоромъ продолжаетъ она путь, и вмѣстѣ осматриваютъ край, прославившій имена: Таврическаго, Крымскаго, Задунайскаго, Рымникскаго. Въ мѣстахъ, гдѣ еще давно-ли раздавались громы войны, шумъ пировъ и веселій смѣнялъ то, что̀ оцѣпеняла побѣда. Плаваніе по Днѣпру, раззолоченныя галеры представляли взору что-то живописно-величавое. Но здѣсь другъ человѣчества, вспоминая о быломъ, подивится блеску и пышности двора, которые ок-

ружали Екатерину, и съ благоговѣніемъ перенесется къ одному происшествію, бывшему въ это плаваніе. Была ночь. Неосмотрительностью вахтеннаго офицера Императорская яхта столкнулась съ однимъ изъ рѣчныхъ судовъ. Ударъ былъ такъ силенъ, что Каммеръ-Юнгфера Марія Савишна Перекусихина, которая находилась за загородкой, пробужденная испугомъ, спрашиваетъ у Императрицы, не прикажетъ-ли она узнать, что̀ случилось? Екатерина запрещаетъ всякое изслѣдованіе, давъ замѣтить, «что офицеръ неминуемо и безъ этого перепуганъ, что каждый посланный отъ ея имени только можетъ довершить его отчаяніе». Скоро убѣдились, что слова, внушенныя столь глубокимъ знаніемъ сердца человѣческаго, горестно сбылись надъ офицеромъ. Ему грозятъ, обѣщаютъ исполненіе всей строгости закона. Наконецъ, настало утро. Императрицѣ доносятъ все, какъ было. Офицеръ, осыпанный угрозами, въ смущеніи, въ страхѣ бросился съ борта и погибъ въ волнахъ Днѣпровскихъ. Тронутая судьбою несчастнаго, Императрица повелѣваетъ командовавшему флотиліею отправиться въ то же утро за границу, съ подтвержденіемъ не возвращаться въ Россію безъ особеннаго разрѣшенія. Сколько подобныхъ разсказовъ, переданныхъ княземъ, бывшимъ попеременно то слушателемъ, то очевидцемъ всего совершавшагося!

Въ Іюлѣ дворъ прибылъ въ Царское Село и все попрежнему закипѣло жизнію: снова Князь Голицынъ увидѣлъ тѣнистые боскеты, Царскосельскіе парки и сады съ великолѣпнымъ дворцомъ, возвышающимся надъ вѣковою зеленью, и стройную колоннаду Камеронову, живописно повторенную въ свѣтломъ зеркалѣ прудовъ, едва струимыхъ плаваніемъ величавыхъ лебедей. Вѣрный первымъ впечатлѣніямъ, онъ сохранилъ до преклонныхъ лѣтъ лю-

бовь къ мѣстамъ, гдѣ неслись дни счастливой юности, къ мѣстамъ, столь полнымъ имени Екатерины и воспоминаній, драгоцѣнныхъ каждому Русскому. Тамъ въ Сѣверномъ Пантеонѣ, посвященномъ безсмертію, Суворовъ, прибывъ изъ польскаго похода, предсталъ Государынѣ, сидѣвшей въ колоннадѣ. Увидя свое изображеніе въ рядахъ изваянныхъ великихъ мужей, воскликнулъ: «Помилуй Богъ! Мнѣ будетъ холодно, я совсѣмъ озябну!» — «Есть мѣсто, гдѣ мы васъ согрѣемъ», отвѣчаетъ Императрица, и указываетъ на свое сердце. Дворъ Версальскій изумлялъ нѣкогда однимъ величіемъ и блескомъ этикета, но Русскимъ людямъ памятны раннія прогулки, гдѣ высокая обитательница, сбросивъ величіе, никѣмъ неузнанная, одна, въ сопровожденіи любимой собачки, съ тростью въ рукѣ, свободно выслушивала несчастнаго, который, не найдя правды, всегда находилъ ее въ душѣ Монархини. Послѣ того поразятъ-ли насъ неожиданностью слова Екатерины Іосифу II-му, который, замѣтивъ здѣсь мало постовъ съ часовыми, не могъ скрыть отъ ней своего удивленія. «Меня охраняетъ цѣлая Россія», отвѣчала она; «это надежнѣе». Наконецъ, Царское Село обогатилось для Князя Голицына еще воспоминаніемъ и того радостнаго для Русскихъ дня, 25-го Іюня 1796 года, отъ котораго, не съ большимъ черезъ три десятилѣтія, Москва, жертва смертоноснаго повѣтрія, увидѣла избранника Провидѣнія, поспѣшившаго дѣлить неотразимыя опасности древней столицы.

Отъ живописныхъ садовъ Царскаго Села перенесемъ воспоминанія на эрмитажные вечера, гдѣ непринужденная любезность избраннаго общества замѣняла отсутствіе этикета, или, передъ выходомъ къ блестящему собранію Двора, на собственную уборную, гдѣ, во время убиранія

головы, Екатерина бывала окружена царственными внуками, сановниками и роемъ дежурныхъ пажей, среди которыхъ Князь Голицынъ бывалъ очевиднымъ свидѣтелемъ разнообразныхъ и занимательныхъ разговоровъ. Но туалетъ конченъ. Императрица надѣвала перчатки, и все готовилось принять другой видъ. Веселость и привѣтъ, за минуту одушевлявшіе общество, почти мгновенно уступали мѣсто изумлявшему величію; двери внутреннихъ покоевъ растворялись, и являлась во всемъ блескѣ своемъ повелительница милліоновъ.

Незамѣтно прошли для него четыре года въ Пажескомъ Корпусѣ. Пожалованный въ камеръ-пажи, онъ былъ свидѣтелемъ праздника, даннаго Потемкинымъ въ Таврическомъ Дворцѣ, 28-го Апрѣля 1791 года. Все, что роскошь имѣетъ изобрѣтательнаго, что въ искусствахъ есть изящнаго, было истощено великолѣпнымъ Княземъ Тавриды къ принятію Императрицы. Пресыщенный любимецъ счастія, будто предчувствуя скорый конецъ, хотѣлъ насладиться послѣдними днями жизни, чтобы въ томъ же году окончить свое поприще, какъ простому воину, на плащѣ, разостланномъ среди Бессарабской степи — конецъ, поучительный для великихъ земли, заключающій связь съ тѣми разнородными началами, которыя соединились въ нравственномъ составѣ необыкновеннаго человѣка. Исчислимъ главнѣйшія черты, собранныя Княземъ Голицынымъ, еще новымъ зрителемъ жизни, въ кругу сверстниковъ, увлеченныхъ окружавшимъ ихъ блескомъ и громомъ Сартіевой музыки. Потомство привыкло воображать Потемкина лѣнивымъ сибаритомъ; но вспомнимъ о великихъ планахъ современной политики, требовавшихъ необыкновенной дѣятельности, и увидимъ, что судьба послала въ немъ исполнителя высокихъ предна-

чертаній. Не рожденный съ воинскими дарованіями — и побѣдитель на югѣ, облеченный всею властію внутренняго управленія — и не сдѣлавшій никого несчастнымъ — истина утѣшительная, часто заглушенная слишкомъ односороннимъ сужденіемъ. Искусное перо изобразитъ нѣкогда полную картину минувшей эпохи вмѣстѣ съ данными Потемкинымъ торжествами, которыхъ великолѣпіе, изумлявшее иностранцевъ, равнялось изобрѣтательности, гдѣ нерѣдко землянка превращалась въ чертоги и степи убирались садами, какъ по мановенію волшебнаго прута. Кстати сообщить здѣсь разсказанный княземъ случай, изъ котораго увидимъ, что эта любовь ко всему необыкновенному отражалась на малѣйшія его дѣйствія. Племянница Потемкина, Графиня Браницкая, однажды изъявила желаніе лично удостовѣриться, какой долженъ произвести видъ бриллiянтовый цвѣтокъ (Boule de neige). На другой день цвѣтокъ сдѣланъ; онъ уже въ рукахъ графини, которая, достаточно налюбовавшись, едва успѣла возвратить его Потемкину, какъ видитъ отъ цвѣтка одни обломки. Показавши, онъ тутъ же изломалъ его.

Князь Голицынъ (1794) былъ выпущенъ поручикомъ въ Преображенскій полкъ; но не чувствуя въ себѣ призванія къ военной службѣ, просился къ статскимъ дѣламъ, и вскорѣ былъ пожалованъ каммеръ-юнкеромъ, съ назначеніемъ ко Двору Великаго Князя Александра Павловича.

Густая туча бѣдствій народныхъ уже давно носилась надъ Западомъ. Ужасы крамолъ и междоусобій раздирали падающую монархію, и Князю Голицыну представилось невиданное дотолѣ зрѣлище: настала великая эмиграція. Сѣверная столица сдѣлалась убѣжищемъ для лишенныхъ отечества изгнанниковъ, которыми наполнился высшій

кругъ общества. Многіе изъ нихъ, въ полномъ сознаніи благодарности къ благодѣяніямъ нашего правительства, принесли Россіи въ жертву долголѣтнюю службу подъ ея знаменами. Таковы были въ числѣ другихъ: Ламбертъ, Ланжеронъ, Сенъ-При и, наконецъ, Графъ Фронсакъ, извѣстный впослѣдствіи подъ именемъ Герцога Ришелье, который долгое пребываніе свое въ Новороссійскомъ Краѣ ознаменовалъ учрежденіемъ на собственное иждивеніе лицея въ Одессѣ. Князь Голицынъ, еще пажемъ, имѣлъ случай нѣсколько разъ дежурить при Графѣ д'Артуа, прибывшемъ для свиданія съ Императрицей. Послѣднее десятилѣтіе царствованія Екатерины, которое засталъ онъ въ молодыхъ лѣтахъ, близилось къ концу своему какъ прекрасный вечеръ, блестя предъ закатомъ и отражаясь великодушнымъ соболѣзнованіемъ къ злополучію и Русскимъ гостепріимствомъ.

Князь Александръ Николаевичъ не переставалъ находиться при особѣ Великаго Князя и пользоваться расположеніемъ Ея Величества, которое все болѣе и болѣе усиливало время. Но среди упоенія надеждъ, веселій двора и разсѣяній столицы ему суждено было извѣдать скорбь душевную. Онъ получилъ извѣстіе о внезапной кончинѣ родительницы и лично объяснилъ Государынѣ семейныя обстоятельства, вызывавшія его въ Москву. Въ сердце, подавленное незамѣнимой утратой, запало какое-то неясное, грустное предчувствіе другой скорби—и не обмануло: эта аудіенція была для него послѣднею. . . .

Почитаемъ нелишнимъ сообщить здѣсь замѣчательный случай въ жизни родительницы Князя Голицына, имѣющій тѣсную связь съ ожидавшимъ его назначеніемъ.

Въ Москвѣ жилъ нѣкто Князь Чегодаевъ, современникъ Каліостры, Казановы и многихъ другихъ, напол-

нявшихъ Европу въ половинѣ XVIII вѣка, весьма знакомый съ домомъ Александра Васильевича Хитрово. Въ одинъ вечеръ, дѣлая разныя предсказанія, вдругъ вызывается на гороскопъ дочери хозяина. Проходитъ часъ и болѣе въ таинственныхъ вычисленіяхъ; наконецъ, онъ объявляетъ дѣвицѣ, что въ непродолжительномъ времени она выйдетъ замужъ, овдовѣетъ и вступитъ въ бракъ вторично; что оба раза будетъ за вдовцами; что, наконецъ, сама окончитъ жизнь вдовою на шестьдесятъ второмъ году отъ роду, оставивъ отъ перваго брака сына, который будетъ на высокой степени государственнаго сановника. Любопытные толкались вокругъ оракула; на многихъ лицахъ изображалась иронія недовѣрчивости. Замѣтивъ это, Князь Чегодаевъ разсказалъ свой собственный гороскопъ и сообщилъ, между прочимъ, что его ожидаютъ въ жизни большія несчастія, что даже онъ будетъ сосланъ; но придетъ время, злополучія минуютъ и его возвратятъ. Предузналъ онъ одно; но кто могъ открыть предъ нимъ другое? Извѣстно лишь то, что онъ скрылся; прошло потомъ много времени и стали встрѣчать его въ гостиныхъ Московскихъ; никто не зналъ, какимъ чудомъ возвратился онъ изъ ссылки; она осталась загадкою вмѣстѣ съ его предсказаніями; всѣ дивились его новому появленію въ обществахъ. Наконецъ, увидѣлъ онъ дочь своего знакомаго, Александру Александровну, къ которой относился гороскопъ, и узналъ ее; она уже была во второй разъ вдовою послѣ Михаила Алексѣевича Кологривова; окончила потомъ жизнь на шестьдесятъ второмъ году, а въ предсказаніи высокой доли старшему ея сыну увидѣли все сбывшимся надъ тѣмъ, въ память кого предприняли мы наши повѣствованія.

Къ этой эпохѣ принадлежатъ слѣдующіе анекдоты:

1.) Говорили о неустрашимомъ поступкѣ Долгорукова въ виду разгнѣваннаго Петра и цѣлаго Сената, и Князь Александръ Николаевичъ привелъ въ примѣръ слѣдующій случай, замѣчательный по сходству обстоятельствъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ рѣзко оттѣнявшій характеръ двухъ славныхъ эпохъ.

Екатерина, присутствуя въ Сенатѣ, внесла проектъ новаго закона. Послѣ чтенія сенаторы встали съ мѣстъ для изъявленія благодарности. Въ числѣ нихъ находился Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, и одинъ не всталъ. Государыня, замѣтивъ это, приказала поставить подъ окномъ два кресла, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ присутственнаго стола, и подозвала къ себѣ Панина. Чтò было говорено, то сокрыто отъ потомства; извѣстно лишь то, что указъ былъ отмѣненъ. Наблюдательный взоръ увидитъ здѣсь, что Монархиня находилась въ тѣхъ же отношеніяхъ, въ коихъ былъ ея великій Предшественникъ; то же стремленіе къ истинѣ, та же ревность къ добру, но смягченная успѣхами вѣка.

2.) Нѣкоторое время имѣла свободный входъ во дворецъ одна бѣдная вдова, по имени Матрена Даниловна. Умѣвъ пользоваться обстоятельствами, она позволяла себѣ иногда пришучивать въ присутствіи Императрицы; но этотъ кругъ показался ей недостаточнымъ. Матрена Даниловна вздумала оставить на время момусовъ скипетръ и сдѣлаться ходатайницей по одному важному процессу. Екатерина, вмѣсто отвѣта, устремляетъ на новую просительницу свой проницательный взглядъ, и строгимъ голосомъ приказываетъ ей сознаться, чтò получила она за ходатайство по дѣлу. Ноги у старухи подкосились, она падаетъ на колѣна и признаніе исторгается невольно.

Послѣ этого случая Матрена Даниловна говорила: «Отъ ней ничего не утаишь, такъ насквозь и видитъ человѣка!» Съ тѣхъ поръ, однакожъ, ей было запрещено являться во дворецъ.

II.

Роковая вѣсть о кончинѣ Екатерины II застала Князя Александра Николаевича Голицына въ Москвѣ. Если сообразить впечатлѣніе, произведенное горестнымъ событіемъ на цѣлые ряды поколѣній людей, и клонившихся къ закату дней, и возросшихъ подъ сѣнью долголѣтняго царствованія, то понятно будетъ состояніе души Князя Голицына, для котораго память о минувшемъ сроднилась съ первыми впечатлѣніями юности. Онъ поспѣшилъ въ Петербургъ. Тамъ представилась еще новая для него картина непостоянства всего того, на чемъ люди нерѣдко мечтаютъ основывать незыблемое въ одномъ воображеніи счастье. Многіе изъ нихъ, еще давно-ли недоступные любимцы фортуны, тутъ мелькали передъ нимъ съ поникшимъ взоромъ и уступали дорогу новымъ совмѣстникамъ, упоеннымъ надеждою и ожиданіями улыбавшейся имъ будущности. Между тѣмъ всѣ взоры обращены были на неизбѣжныя при наставшей эпохѣ преобразованія военной тактики, дряхлѣвшей со временъ Принца Евгенія и Фридриха Великаго, на усиленіе войскъ, чтобы дѣятельнымъ посредствомъ принять участіе въ правомъ дѣлѣ потрясенной Европы. Въ это время рыцари Ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго обратились къ покровительству Императора Павла. Принявъ званіе Великаго Магистра Ордена, Онъ сопричислилъ къ нему многихъ кавалеровъ. Князь Голицынъ получилъ тогда командорскій крестъ.

Мы упомянули выше объ измѣнчивомъ обольщеніи честолюбивыхъ видовъ, столь часто остановленныхъ въ самомъ началѣ тою посредственностію, которая никогда не прощаетъ превосходству, готовому возвыситься надъ толпою. То же самое долженъ былъ испытать Князь Голицынъ. Благосклонность къ нему Наслѣдника, способности, сулившія успѣхи по службѣ бывшему двадцати только трехъ лѣтъ уже дѣйствительнымъ каммергеромъ, все возбудило зависть; ея козни достигли, наконецъ, до своей цѣли. Оклеветанный во мнѣніи Государя, онъ сошелъ съ блестящаго пути благороднаго честолюбія и оставилъ мѣста, гдѣ притомъ узналъ мученія той безнадежной любви, которой заплатилъ первую въ жизни дань неопытнаго сердца. Оно указывало ему на дѣвицу, блиставшую умомъ и красотой; но отрадная взаимность не отозвалась на призывъ сердечный. Умалчивая «кто она», скажемъ только, что всему было предпочтено богатство.

Въ бездѣйственности Князь Голицынъ жилъ въ Москвѣ, и, принимая мало участія въ разсѣяніи столицы, услаждалъ уединенную жизнь постоянною перепиской съ Великимъ Княземъ, а среди равнодушныхъ къ себѣ людей ограничилъ себя тѣснымъ кругомъ немногихъ друзей.

Въ числѣ ихъ былъ одинъ изъ образованнѣйшихъ Русскихъ своего времени, Графъ Бутурлинъ, котораго библіотека долго была украшеніемъ Москвы, извѣстная всѣмъ любителямъ словесности и погибшая въ общемъ пожарѣ древней столицы вмѣстѣ съ драгоцѣннымъ собраніемъ картинъ. Всѣ лучшія и самыя рѣдкія изданія, начиная съ XV вѣка до 1812 года, собранныя съ величайшимъ тщаніемъ и большими трудами, составили болѣе 40,000 томовъ (*). Князь Александръ Николаевичъ

(*) Полный каталогъ этой библіотеки изданъ въ Парижѣ въ 1806 году.

зналъ одну замѣчательную по своей оригинальности черту изъ жизни Графа Бутурлина. Въ молодыхъ лѣтахъ имѣлъ графъ страсть къ путешествію; но тогдашнія политическія отношенія Европы не дали осуществиться любимой мечтѣ, и онъ находитъ другое средство: любовь къ чтенію обращена вся на постоянное изученіе путешествій. Одаренному счастливою памятью, въ непродолжительномъ времени ему становятся извѣстны не только всѣ историческіе памятники, но малѣйшія подробности о первыхъ столицахъ и важнѣйшихъ городахъ Европейскихъ. Дмитрій Александровичъ Гурьевъ, бывшій впослѣдствіи графомъ и министромъ финансовъ, Дмитрій Ивановичъ Киселевъ (*), Князь Егоръ Алексѣевичъ Голицынъ, соединявшій прекрасную наружность съ игривостью прекраснаго ума и любезностью, о которой передала воспоминаніе Герцогиня д'Абрантесъ въ своихъ запискахъ, только-что прибывшій тогда изъ чужихъ краевъ Князь Иванъ Ивановичъ Барятинскій и нѣкоторые вельможи-старцы, которыхъ Князь Александръ Николаевичъ засталъ уже сошедшими съ долголѣтняго поприща и доживавшими послѣдніе годы тихой жизни среди общаго уваженія.

Между тѣмъ общество того времени составилось изъ людей столь противоположныхъ эпохъ, что въ столкновеніе съ новымъ взглядомъ на вещи изощряло врожденный юморъ въ молодыхъ людяхъ, проникнутыхъ необходимостью новыхъ требованій вѣка. Передъ ними смѣшались въ одну толпу даже нѣкоторые сверстники, добровольно ставшіе на неподвижной точкѣ понятій вмѣстѣ съ поборниками старины, передъ которыми столь многое про-

---

(*) Отецъ посла нашего въ Парижѣ, первоначальнаго Министра Государственныхъ Имуществъ, Генералъ-Адъютанта Павла Дмитріевича Киселева.

неслось мимо какъ предъ развалиной древняго Мемнона. Одаренный умомъ сатирическимъ, Князь Голицынъ иногда увлекался порывами той веселости, которую возбуждали предметы; но всѣ знавшіе его прежде и послѣ подтвердятъ, что, подмѣчая въ людяхъ однѣ странности, никогда онъ не касался того, что̀ каждый благомыслящій человѣкъ почитаетъ въ подобномъ себѣ за святыню. Ему случилось видѣть на Московскомъ балѣ, какъ одна дама, не соображаясь съ скоростью музыки, не измѣняла своей плавной походки въ променадѣ экосеза. Кавалеръ, танцовавшій съ нею, напомнилъ ей о тактѣ. Дама, сохраняя весь типъ неподвижной важности, отвѣчаетъ: «Къ чему спѣшить?» Но всего чаще въ дружескихъ бесѣдахъ воспоминаніе о минувшемъ воскрешало все, чѣмъ богаты впечатлѣнія юности.

Говорили о новыхъ подвигахъ Суворова, которые были тогда современными новостями, какъ исторгалъ онъ у славы побѣду, о наградахъ, которыя на него сыпались. Князь Голицынъ разсказывалъ, что однажды Суворовъ былъ приглашенъ къ обѣду во дворецъ. Занятый однимъ разговоромъ, онъ не касался ни одного блюда. Замѣтивъ это, Екатерина спрашиваетъ его о причинѣ. — «Онъ у насъ, Матушка-Государыня, великій постникъ» — отвѣчаетъ за Суворова Потемкинъ: «вѣдь сегодня сочельникъ: онъ до звѣзды ѣсть не будетъ». Императрица, подозвавъ пажа, пошептала ему что-то на ухо; пажъ уходитъ и чрезъ минуту возвращается съ небольшимъ футляромъ, а въ немъ находилась брилліантовая орденская звѣзда, которую Императрица вручила Суворову, прибавя, что теперь уже онъ можетъ раздѣлить съ нею трапезу. Этотъ пажъ былъ Князь Александръ Николаевичъ.

Къ той же эпохѣ относится и анекдотъ о Елагинѣ.

Елагинъ, Иванъ Перфильевичъ (1725—1796), извѣстный особенно *«Опытомъ повѣствованія о Россіи до 1389 года»,* главной придворной музыки и театра директоръ, про котораго Екатерина говорила: *«Онъ хорошъ, безъ пристрастія»,* имѣлъ при всѣхъ достоинствахъ слабую сторону: любовь къ прекрасному полу. Въ престарѣлыхъ уже лѣтахъ (разсказывалъ князь), Иванъ Перфильевичъ, посѣтивъ любимую артистку, вздумалъ дѣлать пируэты передъ зеркаломъ и вывихнулъ себѣ ногу, такъ что сталъ прихрамывать. Событіе это было доведено до свѣдѣнія Государыни. Она позволила Елагину пріѣзжать во дворецъ съ тростью, и при первой встрѣчѣ съ нимъ не только не объявила, что знаетъ настоящую причину постигшаго его несчастія, но приказала даже ему сидѣть въ ея присутствіи. Елагинъ воспользовался этимъ правомъ, и въ 1795 году, когда покоритель Варшавы имѣлъ торжественный пріемъ во дворцѣ, всѣ стояли, исключая Елагина, желавшаго выказать свое значеніе. Суворовъ бросилъ на него любопытствующій взглядъ, который не ускользнулъ отъ проницательности Императрицы. «Не удивляйтесь»,—сказала Екатерина II побѣдителю,—«что Иванъ Перфильевичъ встрѣчаетъ васъ сидя: онъ раненъ, только не на войнѣ, а у актрисы, дѣлая прыжки!»

Познакомивъ съ тѣми, съ которыми князь былъ въ дружескихъ сношеніямъ, не можемъ умолчать о знакомствѣ его съ бывшимъ тогда Московскимъ Митрополитомъ Платономъ. Ведя въ Петербургѣ жизнь болѣе внѣшнюю, Князь Голицынъ видѣлъ его сквозь то отдаленіе, какое опредѣляется отношеніями званія различнаго круга дѣйствій. Но въ Москвѣ имѣлъ онъ случай исполнить давнишнее желаніе: узнать ближе нашего Златоуста и слу-

шать его бесѣду. Она убѣдила Князя Голицына въ истинѣ отзыва о немъ преемственнаго свѣтильника Церкви, котораго имя составило новую блестящую эпоху въ нашей духовной іерархіи. «Онъ не былъ строгимъ отшельникомъ»—сказалъ пастырь, говоря о Платонѣ,—«но имѣлъ такія добродѣтели, какихъ теперь нѣтъ: умѣлъ царямъ и вельможамъ говорить правду, съ равными былъ ласковъ и привѣтливъ, съ низшими снисходителенъ».

Нерѣдко въ разговорахъ съ Княземъ Голицынымъ старецъ Платонъ припоминалъ время, проведенное имъ въ Петербургѣ, многихъ сановниковъ той эпохи, Потемкина, котораго онъ всегда любилъ и назидательною бесѣдою проливалъ утѣшеніе въ тоскующую душу баловня фортуны, узнавшаго среди упоенья роскоши одну пустоту и суетность всего того, къ чему стремятся люди.

Иногда случалось ему нравственныя убѣжденія истины облекать въ сатирическіе намеки. Князь Александръ Николаевичъ разсказывалъ, что одинъ современный митрополиту вельможа явно завидовалъ похваламъ, воздаваемымъ заслугамъ Гр. Захара Григорьевича Чернышева. Долго прислушиваясь къ малодушному ропоту, митрополитъ рѣшился, наконецъ, сказать, что «Чернышевы родятся вѣками, а подобныхъ другимъ, какъ напримѣръ: что Платонъ—то Б**, что Б**—то Платонъ—такихъ видятъ всякій день». Повтореніе своего имени рядомъ съ именемъ негодующаго вельможи, поразившее неожиданностію, усилило иронію и заставило безмолвствовать пристыженнаго завистника.

Но къ лучшимъ впечатлѣніямъ, которыя произвелъ на Князя Голицына Преосвященный, принадлежитъ тотъ день общаго торжества коронованія Александрова, когда вдохновенный поборникъ истины, въ духовномъ пред-

чувствіи будущаго, указалъ ему, при видѣ доспѣховъ царскихъ, на «бремя и подвигъ», которыми искуплена была наша слава. Въ эти минуты настоящаго все минувшее, со всею противоположностью эпохъ, слилось для Князя Голицына съ предстоявшимъ будущимъ. Подъ сѣнью древнихъ сводовъ Успенскаго Собора, святитель, покрытый сѣдинами, нѣкогда законоучитель Августѣйшаго Родителя, уже подъ тяжестью лѣтъ, вѣнчающій на царство юнаго Монарха,—повторилъ слова ученаго сочинителя столѣтія Россіи: «Монарха, прекраснаго какъ Ангелъ, радующаго какъ надежда». И эта надежда освѣтила Князю Голицыну зарю наставшихъ для него лучшихъ дней.

III.

Приступая къ описанію государственной дѣятельности Князя Александра Николаевича, мы должны сказать, что его пребываніе въ Москвѣ, по наружности бездѣйственное, послужило, однакожъ, къ развитію въ немъ со всею дѣятельностію духа идей религіозныхъ. Онъ всегда любилъ чтеніе; но есть въ жизни періодъ, когда и самое любопытство утомляется. На этой точкѣ не могъ остановиться Князь Голицынъ. Пылкая душа жаждала тѣхъ истинъ, которыхъ не обрѣтала. Онъ перешелъ къ чтенію Святаго Писанія, и книга, его вмѣщающая, сдѣлалась для него ручною книгой. Это занятіе дало ему средство углубиться въ самого себя. Польза, справедливость, благоденствіе общее, слава отечества сдѣлались цѣлью его стремленій, и въ этихъ высшихъ началахъ почерпалъ онъ уроки въ дѣйствіяхъ своихъ во все долголѣтнее служеніе. Началомъ гражданскаго поприща Князя Голицына было назначеніе его въ Первый Департаментъ Правительствующаго Сената, гдѣ вскорѣ сталъ онъ править дѣлами за Оберъ-

Прокурора Графа Строгонова. Тутъ новый кругъ открылся передъ нимъ со всею заманчивостью благороднаго сознанія быть нѣкогда полезнымъ, кругъ съ трудностію сопряженный въ началѣ по неопытности въ дѣлахъ; но чего не преодолѣваетъ трудъ? Постоянныя усиленныя занятія замѣнили опытъ и въ непродолжительномъ времени ревностные труды и исполненіе дѣлъ, возложенныхъ по должности оберъ-прокурора, стали обращать на него вниманіе Государя. Державинъ за первый отчетъ настойчиво испросилъ ему крестъ Св. Владиміра 3-й степени, тогда какъ Государь хотѣлъ дать 4-ю степень. Державинъ возразилъ, что крестъ долженъ показывать значеніе занимаемаго мѣста и убѣдилъ въ пожалованіи 3-й степени.

До тѣхъ поръ одно личное расположеніе Монарха дѣлало его близкимъ къ Его Величеству, но вскорѣ онъ былъ возведенъ въ званіе статсъ-секретаря и оберъ-прокурора Св. Сvнода, а при этомъ и сближеніе съ Государемъ еще болѣе усилилось офиціальностію положенія.

Еслибъ насъ спросили, кто были въ это время знакомые Александра Николаевича, то вопросъ былъ бы довольно затруднителенъ. Кто не знаетъ, кто не ищетъ знать человѣка на такой стезѣ служебной и дворской? При этомъ не можемъ умолчать, что въ толпѣ искателей уже таился глухой ропотъ зависти, созидающей постоянное свое владычество рядомъ съ успѣхами. Но оставляя завистниковъ, скажемъ, что Князь Голицынъ увидѣлъ вновь давнишнихъ знакомыхъ своихъ, съ которыми обстоятельства и отдаленіе его разлучили; къ этому кругу присоединились нѣкоторые знакомые Московскіе, переселившіеся въ Петербургъ. Они были для князя все тѣ же во всѣхъ переворотахъ жизни; почти ими одними онъ и ограничилъ свой кругъ; но, по важности отношеній въ званіи главнаго

представителя власти державной въ сношеніяхъ съ церковною властью, онъ сталъ мало-по-малу оставлять свой кругъ свѣтскій съ его мелочными требованіями и приманками суетности, а въ безмятежномъ уединеніи началъ предаваться вполнѣ государственной дѣятельности.

Начало политической жизни Князя Голицына столь тѣсно сливается съ первой эпохой царствованія Александра I, что связь разсказа заставляетъ вспомнить о тогдашнемъ состояніи внѣшней политики, которая обращала на себя всеобщее вниманіе. Новая система была готова поработить Европу; еще далекъ былъ часъ избавленія; будущее не сулило ничего отраднаго. . . . Въ это время судорожнаго, такъ сказать, положенія дѣлъ, всѣ видѣли, съ какимъ невозмущаемымъ спокойствіемъ князь продолжалъ труды по завѣдыванію духовною частью, которую успѣлъ въ короткое время подвести къ точности гражданскаго порядка—измѣненіе, бывшее недоступнымъ для его предшественниковъ.

Однажды Государь, во время утренней прогулки, зашелъ къ Князю Голицыну, и, разговаривая о неизмѣнномъ его спокойствіи, увидѣлъ на письменномъ столѣ библію. Раскрывъ ее, прочелъ слѣдующій текстъ: «Живый въ помощи Вышняго, въ кровѣ Бога небеснаго водворится. Речетъ Господеви: заступникъ мой еси и прибѣжище мое — Богъ мой, и уповаю на Него». Слова вѣнценоснаго Пророка всего краснорѣчивѣе высказали Монарху причины безмятежнаго состоянія души его любимца и много разъ отзывались они въ душѣ Государя, вмѣстѣ съ нераздѣльнымъ сочувствіемъ къ дѣйствіямъ Князя Голицына. Лавры побѣдъ созрѣвали для Александра, а въ новыхъ распоряженіяхъ по разнымъ частямъ, въ обезпеченіи состоянія духовенства постоянными доходами, въ избавленіи

его отъ поношающихъ наказаній, въ перерѣвизованіи уголовныхъ процессовъ, въ уничтоженіи пытки уже занималась славная заря внутренняго благоустройства.

При первомъ обезпеченіи духовенства, была усмотрѣна необходимость осуществить другую спасительную мысль: что религія безъ истиннаго направленія просвѣщенія нерѣдко порождаетъ ересь. Надлежало распространить предѣлы учебныхъ заведеній и обратить вниманіе на улучшеніе заведеній уже существовавшихъ. И эта цѣль достигнута, какъ о томъ Стурдза свидѣтельствовалъ въ своемъ словѣ.

Князю Голицыну предстояло на нѣкоторое время той эпохи прервать занятія и увидѣть вблизи театръ Европейской политики, которая занимала тогда общее любопытство.

Возмущеніе Португаліи, вспыхнувшее по примѣру Испаніи—театра первыхъ неудачъ Наполеоновыхъ, близкое возстаніе Австріи, поперемѣнно то видимыя, то невидимыя содѣйствія повсюду Сенъ-Джемскаго Кабинета къ сверженію всеобщаго ига невыносимой для Англіи континентальной системы—все дѣлало положеніе завоевателя полсвѣта болѣе и болѣе затруднительнымъ. Наполеону оставалось увѣриться въ мирномъ расположеніи Александра I, и онъ предложилъ Государю составить конгрессъ въ Эрфуртѣ. Принявъ предложеніе, Государь Императоръ прибылъ туда 26-го Сентября 1808 года.

Въ свитѣ, сопутствовавшей Его Величеству, находился Князь Александръ Николаевичъ. Путешествіе никогда не было любимою мечтою его воображенія, но желаніе увидѣть геніальнаго человѣка взяло верхъ. Послѣ обмѣна взаимныхъ представленій Монархами свиты своей, Наполеонъ, услышавъ фамилію Князя Голицына, спросилъ:

«Тотъ, что̀ въ Синодѣ (Celui du Synode?)»? И разговоръ зашелъ о званіи оберъ-прокурора, объ уничтоженіи въ Россіи патріаршества. Утвердитель конкордата отдалъ полную дань справедливости генію Россіи въ сознаніи великаго правительственнаго переворота, до котораго не могла достигнуть революція съ своими бурями.... «Безсильны были всѣ бури»—сказалъ онъ наконецъ, «чтобъ подчинить духовенство во Франціи правительственной власти».—«Святая въ Россіи была увѣренность народа»—возразилъ Князь Голицынъ,—«что цѣлію всѣхъ дѣйствій Петра было общее благо, которое одушевляло твердую волю, сосредоточенную въ одномъ лицѣ и въ лицѣ геніальномъ». Вздохъ вырвался изъ груди Наполеона. «Исторія»—заключилъ онъ—«расточала названіе великаго многимъ, но Петръ, вопреки частому искаженію той же исторіи, принадлежитъ, по моему мнѣнію, къ числу тѣхъ немногихъ, которые истинно достойны этого названія».

Изъ всей многочисленной свиты Императора Французовъ болѣе прочихъ сдѣлалъ впечатлѣніе на Князя Александра Николаевича Маршалъ Ланнъ (Дюкъ-де-Монтебелло).

Рѣшимость и отвага, оживлявшія черты лица маршала, по наружности грубый видъ, который могъ отдалять отъ него при началѣ, но самая простота въ обращеніи и рѣчь, нерѣдко перемѣшанная выраженіями сильными и совершенно воинственными, вселяли скоро довѣренность своею непринужденностью, а эта непринужденность въ обращеніи съ своимъ Императоромъ, какъ замѣтно было, не по сердцу была гордому завоевателю при столь многихъ свидѣтеляхъ, и рѣзкою чертою раздѣлялась съ блескомъ и утонченностію этикета, которые Наполеонъ старался водворить при своемъ новомъ дворѣ; но

дворъ его представлялъ что-то среднее между недавно бывшею простотою и смѣнившею ее пышностью, не вошедшею еще въ настоящія формы.

Здѣсь новый Агамемнонъ, среди сонма царей, хотѣлъ изумить высокихъ посѣтителей своихъ разнообразіемъ удовольствій и величіемъ. Смотры, охота, театръ, балы наполняли дни, оставлявшіе различныя впечатлѣнія. Но подробности пребыванія въ Эрфуртѣ, столь много разъ описанныя, не входятъ въ составъ нашего повѣствованія. Ограничиваемся здѣсь главнымъ предметомъ и разсказами Князя Голицына.

Не бывъ никогда за границей, онъ имѣлъ случай любоваться природой Саксоніи и ея живописною мѣстностью. Однажды была предложена охота. Прекрасенъ былъ видъ, когда изъ отвореннаго звѣринца ринулась по скату горы толпа испуганныхъ звѣрей, подобно какому-то пестрѣвшему водопаду, освѣщенному послѣдними лучами вечерѣвшаго дня, который заключился спектаклемъ, гдѣ знаменитый Тальма, съ первѣйшими талантами своего времени, являлъ чудеса искусства. Замѣтно было, что занятія Дюрока, исправлявшаго должность гофмаршала (Maréchal du palais), дѣлились, въ нѣкоторомъ отношеніи, между имъ и Маршаломъ Ланномъ. Это было въ театрѣ; онъ приглашалъ занять мѣста, и вдругъ предлагаетъ Князю Голицыну сѣсть тамъ, гдѣ приготовлены были кресла для владѣтельныхъ принцевъ. На сдѣланное по этому случаю замѣчаніе Княземъ Александромъ Николаевичемъ, Герцогъ Монтебелло отвѣчалъ съ свойственною ему откровенностью: «Развѣ вы не такой же князь (Bah! n'etes-vous pas prince aussi)?

Тутъ Князь Голицынъ имѣлъ неожиданный разговоръ съ однимъ, сидѣвшимъ подлѣ него, Германскимъ принцемъ,

Объяснивъ, что, въ продолженіе общаго представленія, онъ услышалъ знакомое ему имя, но не имѣлъ времени удовлетворить своему любопытству, принцъ этотъ спросилъ у Князя Голицына: не родня-ли ему былъ Голицынъ, Князь Николай Сергѣевичъ»? Удивленный Князь Александръ Николаевичъ отвѣчаетъ, что онъ его сынъ. Удивленіе его усиливается еще болѣе, когда онъ узнаетъ отъ незнакомца разныя подробности о его семействѣ и весь бытъ того времени, когда его не было и на свѣтѣ. Этотъ незнакомецъ былъ одинъ изъ двухъ сыновей извѣстнаго Бирона, дѣлившихъ съ отцомъ ссылку въ Ярославлѣ и отраду гостепріимства, въ отплату за испытанныя хозяиномъ гоненія отъ павшаго временщика! Судьба! Судьба! Биронъ — въ Ярославлѣ, Биронъ — въ Эрфуртѣ, знакомитъ Русскаго, какъ бывшій очевидѣцъ, съ современной ему эпохой, которая пронеслась по Русской землѣ и погрузилась въ вѣчности, чтобъ уступить мѣсто лучшимъ днямъ Россіи.

Нерѣдко декламаціи Тальмы въ гостиныхъ, въ одѣяніи придворнаго артиста, замѣняли большое представленіе и до того очаровывали зрителей, что заставляли забывать отсутствіе костюма, приличнаго ролѣ. Однажды, среди разговоровъ о неподражаемомъ искусствѣ Тальмы, произвелъ невольный смѣхъ старый директоръ театровъ, Дазенкуръ, котораго Наполеонъ называлъ старой канделяброй; съ какою комико-педантическою увѣренностью силился онъ доказать, что непривычка носить французскіе кафтаны, а пуще всего большіе обшлага, препятствуютъ въ наше время надлежащимъ успѣхамъ комедій Мольера. Убѣжденіе противника большихъ обшлаговъ казалось еще забавнѣе и тѣмъ, что за минуту всѣ видѣли, до чего достигаетъ истинный талантъ безъ внѣшнихъ пособій.

Въ частныхъ разговорахъ Маршала Ланна съ Княземъ Голицынымъ онъ не скрывалъ ропота на безпрестанные походы, которые не давали ему времени пользоваться удобствами жизни, предоставленными богатствомъ. Соображая послѣдовавшія событія, невольно вспомнишь все свершившееся съ *баловнемъ побѣдъ*, когда чудесная звѣзда померкла и когда сподвижники славныхъ дней, люди всѣмъ ему обязанные, отъ гарусныхъ эполетъ возведенные въ маршалы и, наконецъ, имъ же обогащенные, одинъ за однимъ оставляли его въ несчастіи. Но возвратимся къ настоящей эпохѣ. Здѣсь другое обстоятельство поразило Князя Александра Николаевича. Во время завтраковъ и обѣдовъ замѣтно было опасеніе въ Наполеонѣ того, чего страшились во всѣхъ вѣкахъ люди, достигавшіе высоты въ виду зависти и боязни.

Различныя ощущенія, произведенныя на Князя Голицына пребываніемъ въ Эрфуртѣ, не могли составить полнаго мнѣнія, но, при всей поверхности своей, не допускали той ничтожной односторонности, которая была готова дѣлить и современную злобу, и малодушное пристрастіе въ сужденіяхъ прежде окончанія драмы. . . . Лучшія мѣста новѣйшей исторіи были еще бѣлыми страницами; будущее — оставалось въ длани Провидѣнія! . . . . .

Здѣсь выпало изъ рукъ перо молодаго писателя, питомца Московскаго Университетскаго Пансіона, безкорыстнаго и пламеннаго почитателя своего знаменитаго дяди.

Прибавимъ здѣсь особенности:

Князь не прельщался наружными знаками отличій и получалъ ихъ гораздо позже стоявшихъ на тѣхъ же степеняхъ государственныхъ и дворскихъ. Но нельзя умолчать, что были случаи, когда онъ неожиданно былъ радованъ благоволеніемъ Царскимъ, съ какимъ приходили

къ нему эти знаки. Первый такой случай былъ наканунѣ тезоименитства Императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ 1804 году. Государь Александръ Павловичъ, утромъ, самъ написалъ ему слѣдующій рескриптъ: «Господинъ Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода, Князь Голицынъ. Въ воздаяніе отличнаго усердія вашего къ службѣ и ревностныхъ трудовъ въ отправленіи возложенной на васъ должности, Всемилостивѣйше жалую васъ кавалеромъ ордена Св. Анны 1-го класса, коего знаки, при семъ препровождая, повелѣваю возложить на себя и носить узаконеннымъ порядкомъ. Пребывая, впрочемъ, всегда благосклоннымъ».

Рескриптъ съ лентой былъ привезенъ къ князю, когда онъ уже уѣхалъ изъ дому предъ обѣдомъ. Ничего не знавъ, пріѣзжаетъ онъ къ столу Государя на Каменный Островъ и садится противъ Его Величества какъ всегда бывало, чтобъ среди бесѣдъ передавать взглядами впечатлѣнія по обычаю и юморизму. Вдругъ Государь говоритъ ему: «А вѣдь ко двору на обѣдъ ѣздятъ въ лентахъ»! Князь сдѣлалъ мину, что такъ, у кого она есть. Государь тогда серьозно говоритъ: «Развѣ не получилъ посланной передъ обѣдомъ»? Князь на это объяснилъ, что онъ, послѣ утреннихъ занятій, отправился на островъ и, заѣхавъ къ Прасковьѣ Николаевнѣ Гурьевой, у ней и оставался до той минуты, когда надо уже было явиться къ столу. Неожиданная милость увеличила награду. Другой случай былъ предъ 1812 годомъ. Раза три Митрополитъ Новгородскій въ торжественные дни Александра Невскаго въ Лаврѣ напоминалъ Государю, что всѣмъ духовнымъ было бы пріятно видѣть своего Синодальнаго Оберъ-Прокурора александровскимъ кавалеромъ. Государь всякій разъ отвѣчалъ: «Мы съ княземъ

разсчитаемся въ свое время», и въ послѣдній разъ передалъ такія напоминанія князю. Князь убѣждалъ не награждать его прежде, какъ самъ Государь разсудитъ, и александровскій орденъ пожалованъ уже былъ ему въ 1814 году.

Дальнѣйшія, послѣ описанныхъ Княземъ Николаемъ Сергѣевичемъ, дѣйствія Князя Александра Николаевича въ царствованіе Императора Александра Павловича и особенно въ послѣдніе годы существованія Министерства Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, въ эпоху значенія и вскорѣ удаленія Магницкаго, отражаются въ запискахъ Статсъ-Секретаря Владиміра Ивановича *Панаева.* Тогда онъ состоялъ въ Министерствѣ и находился въ близкихъ отношеніяхъ съ главными дѣйствователями, былъ свидѣтелемъ многихъ событій и зналъ причины оныхъ, ускользавшія отъ извѣстности. Съ безпристрастіемъ и съ просвѣщенной любовью къ правдѣ онъ описалъ все, что̀ видѣлъ самъ и зналъ отъ современниковъ эпохи. Записками своими онъ оказалъ немаловажную услугу исторіи.

Настоящія записки Князя Николая Сергѣевича не побудятъ-ли и другаго остроумнаго писателя, состоявшаго при Князѣ Александрѣ Николаевичѣ въ послѣдніе годы его жизни, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Юрія Никитича *Бартенева,* къ изданію того, что̀ передавалъ ему князь въ откровенныхъ бесѣдахъ. Эти любопытныя сказанія, сами-по-себѣ и безъ присоединенія къ нимъ разсужденій, были бы драгоцѣнны для друзей-почитателей князя и вообще для любителей отечественныхъ преданій. Онѣ дополнили бы записки Князя Николая Сергѣевича, котораго внезапная скоротечная болѣзнь низвела въ могилу, не давъ ему кончить начатаго труда.

Въ «*Словарѣ достопамятныхъ людей русской земли*»,

составленномъ Дмитріемъ Николаевичемъ Бантышемъ-Каменскимъ (изд. 1847 г.), любопытные могутъ видѣть все остальное изъ біографіи и самый формуляръ Князя Александра Николаевича. Князь Николай Сергѣевичъ скончался 3-го Января 1848 года, оставивъ по себѣ доброе имя супруга, отца, друга и поборника добра въ кругу своей дѣятельности. Миръ праху скромнаго подвижника!

Онъ могъ сказать о себѣ въ утѣшеніе то же, что говорилъ молодой поэтъ *Веневитиновъ*, еще ранѣе похищенный смертью:

Такъ, если въ душу вложена
Хоть искра страсти благородной, —
Повѣрь, недаромъ въ ней она;
Не теплится она безплодно!
Не съ тѣмъ судьба ее зажгла,
Чтобъ смерти хладная зола
Ее на вѣки потушила:
Нѣтъ, что въ душевной глубинѣ,
Того не унесетъ могила:
Оно останется по мнѣ!

—

Не остановимся однакоже мы присоединить здѣсь найденный въ бумагахъ его слѣдующій отрывокъ:

—

Характеристика государственнаго мужа.

Имя Князя Голицына, созвучное долговременной, многообразной дѣятельности государственной, любезное всѣмъ его знавшимъ, должно-ли быть жертвою заб-

Характеристика частнаго человѣка.

Завѣса, закрывающая міръ духовный отъ нашего зрѣнія, предъ тобою рѣдѣла, но не открывалась; не открывалась по той причинѣ, что ты, въ стремленіи сво-

венія среди мирнаго уединенія, которое онъ избралъ?

Едва кому извѣстный пажъ двора Екатерины, но уже замѣченный ею какъ юноша, обѣщавшій способности, наконецъ вельможа Александрова времени, возведенный навысокую степень почестей, онъ направлялъ всѣ средства, предоставленныя отношеніями, не на удовлетвореніе гордыхъ и суетныхъ видовъ, но, выражаясь его словами, въ религіозномъ убѣжденіи истины сознавалъ «въ лицѣ «Государя оружіе Божіе». Исчисляя его дѣйствія, не убѣдились-ли мы въ дѣйствіяхъ лучшаго оружія Государей? Онъ помнилъ слова, заповѣданныя Екатериной сановникамъ блестящаго своего вѣка: «Выслушивать всякаго, имѣть только единственно пользу отечества и справедливость въ виду и твердыми шагами идти кратчайшимъ путемъ къ истинѣ». Этой истиной былъ онъ проникнутъ и емъ къ міру духовному, забылъ бы окружающее тебя земное, назначенное тебѣ поприще жизни.

Обида есть оскорбленіе, нанесенное безъ причины. Нельзя иначе опредѣлить этого дѣйствія; слѣдовательно это есть дѣйствіе безъ причины. Чтожъ выражаетъ Русская поговорка: «Онъ мухи не обидитъ»: изображаетъ простяка. Изъ этого нельзя вывести другаго заключенія, какъ того, что тотъ глупъ, кто не учинитъ дѣйствія безъ причины. Дѣйствія Князя Голицына, проистекавшія отъ этихъ началъ, при высокомъ понятіи о чести (delicatesse du sentiment) и при сознаніи въ другомъ достоинствъ, часто относили въ Князѣ Голицынѣ къ недостатку откровенности; но еслибъ приняли трудъ болѣе вникнуть въ человѣка, то увидѣли бы, что не скрытность, а самое воздержаніе и осторожность не допускали его до рѣшительнаго приговора; осто-

ни въ одномъ случаѣ жизни не измѣнялъ чувствамъ своимъ.

Обвинители Князя Голицына говорили, будто онъ нерѣдко жертвовалъ общимъ для частныхъ исключеній, или для лицъ. Мнѣніе ничѣмъ неоправданное. Благородная гордость и независимость отношеній не могла допустить его до угожденія лицамъ. Прибавимъ къ этому, что самые недоброжелатели не могли укорять его въ возвышеніи родныхъ своихъ.

Еще другое было обвиненіе въ любви Князя Голицына къ бюрократизму. Это требуетъ, чтобъ мы нѣсколько распространились. Первая эпоха Александрова царствованія ставила Россію въ оборонительное положеніе; лучшій цвѣтъ дворянства стремился на войну, гражданская часть оставалась въ рукахъ бюрократовъ. Слѣдственно, не произволъ, а необходимость заставляла въ началѣ осторожность, которая заставляетъ быть строгимъ болѣе къ самому себѣ, умѣетъ прощать другимъ и оспаривать жалкій предразсудокъ, смѣшивающій способность оскорблять съ способностью ума.

Милости хощетъ онъ, а не жертвы.

Пріобрѣтя долголѣтнею опытностью большой навыкъ въ свѣтѣ, Князь Голицынъ не былъ изъявителенъ (expansif).

Опытъ частной-ли жизни, или жизни человѣка на придворномъ поприщѣ образуютъ болѣе характеръ? На этотъ вопросъ приведемъ сужденіе одной умной свѣтской дамы, что уединеніе и разсѣяніе, взятыя въ крайностяхъ, имѣютъ однѣ и тѣ же послѣдствія. Умъ дѣятельный безъ столкновенія перестаетъ дѣйствовать; бури разсѣянія истощаютъ внутренняго человѣка. Одинъ только умъ тутъ недостаточенъ: онъ старѣетъ, и человѣкъ при этомъ одномъ

бирать людей изъ этого круга; но князь не замедлилъ воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ принять къ себѣ Тургенева, Александра Ивановича, и тѣхъ немногихъ, которые вполнѣ оправдали выборъ и возвышеніе, не превысившее высокой ихъ души, изливающейся въ благороднѣйшемъ чувствѣ человѣка— благодарности къ памяти утраченнаго вождя. Благоговѣніе къ этому чувству налагаетъ на автора святую обязанность не именовать живыхъ.

Тяжка обязанность бороться со вкоренившимися мнѣніями; но чье жизнеописаніе не заключаетъ на страницахъ своихъ дѣйствій зависти, злобы людей и превратности счастія?

Какъ высокъ онъ былъ когда свѣтское счастіе измѣнило! Онъ добровольно сложилъ съ себя важнѣйшія части своего управленія, но въ этомъ дѣйствіи, которому были примѣры, двигателѣ теряетъ на вѣкъ средства обновить нравственное бытіе свое. Что же не удалитъ отъ него людей, что если не одно нравственное обновленіе этого же бытія, но въ теплотѣ любви, въ озареніи религіи. Таковъ былъ Князь А. Н.

Письмо Экономида.

Послѣдуемъ за нимъ въ минуту, когда никѣмъ незамѣченный поспѣшалъ онъ въ отдаленный край города, въ мрачное, сырое жилище бѣдняка, съ небеснымъ утѣшеніемъ вѣры, съ человѣческимъ пособіемъ. Но еслибъ въ то время спросили: «кто этотъ никѣмъ неузнанный, одинъ, среди всеобщаго движенія столицы, въ простомъ синемъ сюртукѣ?» то, безъ сомнѣнія, нашли бы отвѣтъ въ благодарной слезѣ того же злополучнаго, того же страдальца. Любившіе князя могутъ быть утѣшены.

Этотъ языкъ не онѣмѣлъ и теперь предъ алтаремъ Вездѣсущаго; тамъ долго,

онъ сдѣлалъ болѣе: онъ положилъ твердое намѣреніе остаться при возлюбленномъ имъ Монархѣ.

долго не перестанетъ ему раздаваться: «Вѣчная память!»

Скажемъ, наконецъ, что князь принадлежалъ къ числу «мужей милостивыхъ, ихъ же правды незабвенны, ихъ же слава не потребится, ихъ же имена живутъ въ роды».

(Сирах. XLIV, 9, 12, 13.)

Изъ прежнихъ началъ возникла эпоха, какъ новое зданіе, сооруженное на развалинахъ монархіи и революціи. Оно не могло быть прочно. Между тѣмъ бремя новой политической системы легло всею тяжестью на Европу, и принудило ее, наконецъ, увидѣть ложный свѣтъ и обратиться къ истинному. Тутъ во всемъ совершившемся увидѣли люди непостижимое дѣйствіе Того, Кому подобаетъ всякая слава. Но вдаваться въ крайности— удѣлъ слабаго человѣчества. Не смиренное сознаніе недостатка силъ постигнуть весь этотъ путь отъ тьмы къ свѣту, но еще духовная гордость владѣла умами людей. Германія, болѣе всѣхъ странъ испытавшая желѣзный скипетръ поработителя Европы, устремилась къ человѣческому истолкованію всего недосягаемаго человѣку. По нравственному вліянію Запада на Россію, этотъ духъ мистицизма перешелъ къ намъ. Но здѣсь исторія отдѣлитъ добрый порывъ отъ ошибки противъ спасительной цѣлости въ ея связи съ гражданскимъ порядкомъ.

Предусмотрительною мудростью Александра, назначенный хранителемъ государственной тайны, подъ непосредственнымъ руководствомъ избраннаго его Преемника,

князь непрестанно употребляемъ былъ въ дѣлахъ многотрудныхъ и важныхъ, и, подобно предку своему, принималъ на себя въ отсутствіе Августѣйшей четы заботы надъ священнымъ залогомъ родительской нѣжности.

Наконецъ, оставленіе блестящаго поприща, при всей неутраченности дѣятельнаго духа, неизмѣнившей увѣренности въ псе другихъ—явленіе рѣдкое въ памяти многихъ, живущихъ одною внѣшнею жизнью—было зрѣлымъ плодомъ стремленія избранной души Князя Голицына, чтобы въ большемъ уединеніи войти въ самого себя и повергнуть свои дѣла на судъ Божій. Такъ, вездѣ ровный, вездѣ неизмѣнный, вѣрный долгу, свершилъ Князь Александръ Николаевичъ пятидесятилѣтній служебный путь; оставя по себѣ то сожалѣніе, въ которомъ отозвалось общее сознаніе заслугъ и личныхъ достоинствъ.

Служба Князя Голицына со всѣмъ самоотверженіемъ высокой души доказала, что онъ не руководствовался никогда полумѣрами въ своихъ дѣйствіяхъ.

Почившему въ мирѣ—и *вѣчный покой,*
Живущимъ—примѣръ и въ Богѣ надежда!

Въ заключеніе вмѣняемъ себѣ въ обязанность присовокупить здѣсь одушевительныя для современниковъ и потомковъ знаменательныя Высочайшія воззрѣнія на личность и на служеніе Престолу и Отечеству Князя Александра Николаевича.

При главныхъ событіяхъ политической жизни его, вотъ какими онъ былъ почтенъ рескриптами отъ Государей:

I. Императора Александра I-го.

Указъ Правительствующему Сенату 12-го Декабря 1823 года:

«Министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія,

Тайнаго Совѣтника Князя Голицына, во уваженіе долговременной усердной его службы, Всемилостивѣйше жалуемъ въ Дѣйствительные Тайные Совѣтники».

II. Императора Николая I-го.

а.) *Грамата 15-го Іюня 1826 года.*

«Въ воздаяніе отлично-усердной службы вашей и въ знакъ особеннаго Нашего благоволенія за труды, понесенные вами по разнымъ препорученіямъ, на васъ налагаемымъ и исполненнымъ вами къ совершенному удовольствію Нашему, Всемилостивѣйше пожаловали Мы васъ кавалеромъ ордена Святаго Равноапостольнаго Князя Владиміра первой степени».

б.) *Грамата 22-го Августа 1826 года.*

«Отличная и долговременная и полезная служба ваша Намъ и Отечеству обращаетъ на васъ справедливое Наше вниманіе, въ ознаменованіе коего и особеннаго Монаршаго къ вамъ благоволенія, Всемилостивѣйше жалуемъ васъ кавалеромъ ордена Святаго Андрея Первозваннаго».

в.) *Рескриптъ 5-го Декабря 1828 года.*

«Съ самыхъ первыхъ дней Моего царствованія употребляя васъ почти непрестанно въ дѣлахъ многотрудныхъ и важныхъ, Я также непрестанно видѣлъ новыя доказательства вашей преданности и усердія къ Государству и ко Мнѣ. Ваши дѣйствія и чувства равно даютъ вамъ право на довѣренность Мою и особенное совершенное благоволеніе. Въ ознаменованіе онаго, съ тѣмъ вмѣстѣ и признательности Моей къ вашимъ заслугамъ, Я пожаловалъ вамъ алмазные знаки ордена Святаго Апостола Андрея Первозваннаго, и, препровождая оные при

семъ, повелѣваю вамъ возложить ихъ на себя и носить по установленію.»

г.) *Указъ 15-го Апрѣля 1841 года.*

«Въ ознаменованіе Нашей признательности и особаго благоволенія къ долговременной, вѣрной и всегда отличной службѣ Канцлера Нашихъ Орденовъ, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Князя Голицына, Всемилостивѣйше жалуемъ его въ первый классъ, съ сохраненіемъ возложенныхъ на него должностей».

д.) *Рескриптъ 27-го Марта 1842 года.*

«Уволивъ васъ, согласно съ вашимъ желаніемъ, отъ всѣхъ занимаемыхъ вами должностей, считаю особеннымъ для себя долгомъ изъявить вамъ при этомъ случаѣ живѣйшую Мою признательность за долговременное, полезное служеніе ваше Престолу и Отечеству. Оно останется для Меня незабвеннымъ по достоинству многочисленныхъ вашихъ заслугъ и по чувствамъ личнаго Моего уваженія, внушеннаго Мнѣ неизмѣнною къ вамъ довѣренностію блаженныя памяти Императора Александра и утвержденнаго навсегда отличающими васъ превосходными качествами души и сердца. Искренно желаю и надѣюсь, что отдохновеніемъ отъ трудовъ служебныхъ силы ваши укрѣпятся еще на долгіе годы и въ полной остаюсь увѣренности, что въ случаѣ новаго призыва на поприще дѣлъ государственныхъ вы не откажете Мнѣ въ дѣятельномъ въ нихъ пособіи и въ совѣтахъ вашей опытности.»

Невольно приходитъ на мысль философическое разсужденіе свѣтскихъ людей, которые, по-часту забывая велѣніе Господнихъ судебъ о каждомъ изъ насъ, при вѣсти о чьей-либо смерти говорятъ: «Прожилъ бы дольше: но

ничто не ускоряетъ смерти человѣка съ благороднымъ характеромъ, какъ измѣнчивость надеждъ!» Забываютъ философы, что обуреванія жизни земной посылаются въ искупленіе загробной, и иной изъ земнородныхъ *восхищенъ бысть, да не злоба измѣнитъ разумъ его, или лесть прельститъ душу его*; *другой, скончався вмалѣ, исполни лѣта долга, угодна бо бѣ Господеви душа его, сего ради исторжена отъ среды лукавствія* (Премудр. Солом. IV, 11, 13, 14).

Князь Голицынъ, конечно, многое перенесъ въ политической своей жизни, долженъ былъ выдерживать борьбу противъ враждебныхъ дѣйствій непримиримыхъ противниковъ, испытывать пристрастныя осужденія, дѣлать уступки правъ своихъ, умалять себя передъ великостью пользъ Отечества! Смиренію отрада и на землѣ во внутренней храминѣ сердца. Конечно, смиреніе князя заслоняло въ немъ качества государственнаго человѣка въ глазахъ тѣхъ, кто не имѣлъ проницательности отличить въ немъ умъ и постиженіе въ дѣлахъ; но для свѣтскихъ людей совершился видимый надъ нимъ примѣръ великихъ воздаяній еще и здѣсь, въ юдоли земной! Два перехода его: одинъ отъ чрезвычайной дѣятельности къ умѣренной и другой—къ жизни частной не произвели пустоты въ его сердцѣ, не дали ему видѣть на себѣ обычнаго измѣненія въ отношеніхъ свѣта съ удаленіемъ отъ двора. Для него, напротивъ, со смертью наступила пора великой справедливости къ заслугамъ—и она воздана была торжественно предъ свѣтомъ царственнымъ посѣщеніемъ его уединенной могилы!

Посѣщеніе это было 12-го Сентября 1845 года. Государь преклонилъ вѣнчанную главу передъ скромнымъ памятникомъ вѣрнаго слуги Россіи.

Такъ и довлѣло: одна статья въ завѣщаніи князя подтверждаетъ особенность его отношеній къ Дому Царскому. Вотъ она, эта статья: «Предку моему, Князю Борису Алексѣевичу Голицыну, бывшему дядькой Императора Петра I (*), во время стрѣлецкаго бунта, когда онъ взялъ Петра I на руки, чтобъ увезти въ Троицко-Сергіевскую Лавру, Царица Наталья Кирилловна вручила крестъ золотой съ мощами, да будетъ ему благословеніемъ, а ежели несетъ сына ея на погибель, то да поразитъ его. Родитель мой симъ драгоцѣннымъ крестомъ благословилъ меня при рожденіи моемъ, а я грѣшный благословилъ имъ Государя моего Императора Николая Павловича въ день отъѣзда Его въ походъ противъ Турокъ 25-го Апрѣля 1827 года, съ тѣмъ, чтобъ я сохранилъ его до моей кончины, послѣ же да будетъ онъ врученъ Его Величеству, яко достояніе Предковъ его, данное предку моему на спасеніе Петра I. Я молю Господа Іисуса Христа, да послужитъ сей крестъ Государю Императору Николаю Павловичу щитомъ противъ его видимыхъ и невидимыхъ враговъ и да по-

---

(*) Бояринъ Князь Борисъ Алексѣевичъ, мужъ большаго ума и благороднѣйшихъ свойствъ душевныхъ, былъ воспитателемъ Петра Великаго и оказалъ ему величайшія услуги; находился членомъ 5-ти-членнаго совѣта, управлявшаго Россіею во время перваго путешествія Петра Великаго за границу (съ боярами, предсѣдательствовавшимъ Кн. Ѳедоромъ Юрьевичемъ *Ромодановскимъ,* Львомъ Кирилловичемъ *Нарышкинымъ,* Княземъ Петромъ Ивановичемъ *Прозоровскимъ* (попечителемъ Петра еще въ званіи окольничаго) и Тихономъ Никитичемъ *Стрѣшневымъ,* и, наконецъ, постригся 19-го Іюня 1714 г., подъ именемъ Боголѣпа, въ уединенномъ монастырѣ Фроницевомъ (близъ Гороховца, въ нынѣшней Владимірской губерніи), и тамъ скончался 18-го Октября того же 1714 года. (Историч. сказанія Князя Петра Владиміровича Долгорукова въ его «Родословіяхъ», единственныхъ въ своемъ родѣ.

чіетъ на главѣ Его и въ сердцѣ Святый Духъ, для внутренняго Его возрожденія.»

Завѣщаніе свое Князь Александръ Николаевичъ написалъ и внесъ въ Опекунскій Совѣтъ (кокорый по кончинѣ его и былъ исполнителемъ его желаній), наканунѣ отъѣзда своего въ Крымъ, 12-го Іюля 1842. Слезное было прощаніе съ княземъ близкихъ къ нему людей въ этотъ день. И одинъ изъ нихъ тогда, описывая отсутствующимъ друзьямъ послѣднія минуты передъ разлукою съ благодѣявшимъ сановникомъ и человѣкомъ, выразилъ въ трогательныхъ строкахъ его очеркъ. Мы позволяемъ себѣ помѣстить оный здѣсь, не именуя писавшаго, по слову Карамзина: «*Исторія не любитъ именовать живыхъ*». Послѣ многихъ колебаній, Государь, внявъ убѣждавшей необходимости къ отбытію Князя Александра Николаевича, уволилъ его отъ дѣлъ, удовлетворяя его настойчивому желанію, но съ прискорбіемъ теряя въ немъ одного изъ полезнѣйшихъ своихъ сподвижниковъ. Въ юныхъ лѣтахъ своихъ князь обратилъ уже на себя благоволеніе Императрицы Екатерины II. Благодарное сердце его сохранило донынѣ черты блестящаго ея ума и содѣлалось какъ бы живою исторіею ея дѣлъ. Въ 25-тилѣтнее царствованіе Императора Александра Павловича онъ былъ близкимъ его совѣтникомъ и другомъ по сердцу. Въ довѣріи оставался онъ и при Государѣ Николаѣ Павловичѣ 16 лѣтъ. Въ горестную эпоху 1825 года Государь нашелъ въ немъ твердую опору для дѣлъ государственныхъ и отраду для огорченной своей души. По рѣдкимъ качествамъ ума и сердца, все Семейство Царское находило въ его бесѣдахъ утѣшеніе и назиданіе. По всѣмъ частямъ, какія ввѣряемы были его управленію, онъ оставилъ неизгладимые слѣды существен-

ныхъ пользъ, и теперь, когда сходитъ съ служебнаго поприща, для совѣсти его утѣшительно нести съ собой воспоминаніе, что пріобрѣтенное имъ довѣріе Государей онъ употреблялъ единственно для блага отечества, а служа Престолу, служилъ Богу и человѣчеству.

Исполненное достославныхъ дѣлъ служеніе его совершалось въ глазахъ Россіи, и Государю пріятно было, предъ лицемъ ея, воздать ему дань признательности и уваженія въ особомъ рескриптѣ 27-го Марта 1842 года».

Здѣсь воспомянемъ для почитателей князя все то, что̀ въ Одессѣ одобрилъ тогдашній Намѣстникъ къ возвѣщенію въ народную извѣстность:

I.

«Мы получили вчера (30-го Ноября 1844 года) изъ Крыма прискорбное извѣстіе о послѣдовавшей тамъ кончинѣ одного изъ первостепенныхъ сановниковъ Россіи. Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ 1-го класса, скончался 22-го Ноября, въ помѣстьѣ своемъ Гаспрѣ-Александріи, послѣ кратковременной водяной болѣзни въ груди, окончившейся апоплексическимъ ударомъ.

«Не многіе государственные мужи стояли такъ высоко и въ довѣріи своихъ Монарховъ, и въ общемъ народномъ уваженіи, какъ покойный Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ. Вступивъ въ службу при Императрицѣ Екатеринѣ II, обращавшей на него особенно ласковое свое вниманіе, онъ непрерывно продолжалъ ее въ теченіе четырехъ царствованій. При блаженной памяти Императорѣ Александрѣ и Императорѣ Николаѣ

Павловичъ, удостоивавшихъ его самаго искренняго довѣрія, онъ достигъ до самыхъ высшихъ государственныхъ званій и занималъ должности: члена государственнаго совѣта, министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, главноначальствующаго надъ почтовымъ департаментомъ, канцлера Императорскихъ и Царскихъ орденовъ и другія. Грудь его украшали всѣ Русскіе ордена и осыпанный бриліантами портретъ Императора Николая Павловича. Въ послѣдніе дни своей служебной дѣятельности онъ возведенъ былъ въ высшій санъ въ Россіи, въ чинъ Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника 1-го класса.

«Съ высокими достоинствами государственнаго сановника Князь А. Н. Голицынъ соединялъ и драгоцѣнныя качества христіанина и мужа добродѣтельнаго. Стоя такъ близко къ Царскому трону и на столь высокомъ поприщѣ гражданской дѣятельности, онъ всегда и постоянно направлялъ обширное свое вліяніе къ добру: для всѣхъ своихъ подчиненныхъ онъ былъ, въ полномъ смыслѣ слова, благодѣтельнымъ отцемъ, для всѣхъ прибѣгавшихъ къ нему съ ходатайствомъ о какомъ бы то ни было пособіи онъ всегда являлся добрымъ геніемъ; сердце и рука его были постоянно открыты на благодѣяніе во всѣхъ возможныхъ видахъ, зависѣло-ли оно отъ высокаго сана, которымъ онъ былъ облеченъ, или отъ вліянія, которымъ онъ, по своему безукоризненному характеру и душевнымъ своимъ качествамъ, пользовался во всѣхъ сословіяхъ общества.

«Два года тому, глазная болѣзнь, превратившаяся въ совершенную слѣпоту, принудила Князя А. Н. Голицына сложить съ себя всѣ государственныя должности и отправиться, для успокоенія, на закатѣ дней своихъ, въ благословенный климатъ Тавриды: онъ поселился въ пре-

лестномъ помѣстьѣ своемъ Гаспрѣ-Александріи, близъ Ялты. Изумительны были христіанская преданность волѣ Промысла и ненарушимая твердость духа, съ которыми онъ переносилъ свой тяжкій недугъ. Въ началѣ минувшей осени ему посчастливилось, однакожъ, прозрѣть и, хотя на короткое время, насладиться созерцаніемъ красотъ природы, такъ щедро разсыпанныхъ рукою Творца въ живописномъ углу Россіи, избранномъ имъ для послѣдняго своего пріюта. Искусная операція Профессора Университета Св. Владиміра, Доктора Караваева, возвратила ему зрѣніе. До послѣднихъ дней своей жизни онъ сохранялъ всю свѣжесть и твердость обширнаго и просвѣщеннаго своего ума, всю прелесть увлекательнаго дара своей бесѣды, всю привѣтливость и воспріимчивость къ доброму и изящному благородной своей души.

«Послѣдняя болѣзнь его была кратковременна. Кончина его была достойна его жизни: это была кончина мужа праведнаго. Чувствуя приближеніе своей смерти онъ приготовился къ ней какъ истинный христіанинъ, пріобщился 21-го Ноября Св. Таинъ и 22-го числа утромъ заснулъ вѣчнымъ сномъ, тихо, безъ всякихъ видимыхъ страданій. Послѣднимъ распоряженіемъ было благотвореніе: онъ завѣщалъ похоронить себя со всею возможною простотою, и сумму, которая могла бы быть издержана на его погребеніе, роздать бѣднымъ въ Симферополѣ. Воля его свято исполнена. 25-го Ноября совершено отпѣваніе тѣла его въ домовой его церкви и потомъ смертные останки его перевезены, безъ всякой пышности, въ монастырь Св. Георгія, близъ Севастополя, для преданія землѣ въ монастырской церкви, по его желанію.

«Искренняя скорбь всѣхъ его родныхъ, благоговѣйная признательность всѣхъ бывшихъ его подчиненныхъ, а

особенно служившихъ въ послѣднее время подъ его начальствомъ въ почтовомъ вѣдомствѣ и глубокое душевное уваженіе всѣхъ имѣвшихъ случай быть съ нимъ въ какомъ бы то ни было сношеніи послѣдуютъ за нимъ въ могилу. Благословенія многихъ и многихъ облагодѣтельствованныхъ имъ здѣсь на землѣ снизовутъ на мирный прахъ его и благословеніе свыше.»

II.

«Вчера, въ Субботу, 25-го Ноября 1844 года, происходило отпѣваніе тѣла покойнаго Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника 1-го класса Князя Александра Николаевича Голицына, въ домовой его церкви, въ Гаспрѣ-Александріи, въ присутствіи Новороссійскаго и Бессарабскаго Генералъ-Губернатора и его супруги, равно какъ и сестры Князя Александра Николаевича, Елисаветы Михайловны Кологривовой, Князя и Княгини Голицыныхъ, Князя Мещерскаго, находившагося при покойномъ чиновника почтоваго вѣдомства Князя Козловскаго и многихъ другихъ лицъ, собравшихся отдать послѣдній долгъ доблестному мужу, переселившемуся въ вѣчность. Благочинный Протоіерей Накропинъ сказалъ, при этомъ случаѣ, краткое, но весьма трогательное духовное слово.

«Тлѣнные останки Князя А. Н. Голицына, согласно его волѣ, отвезены были потомъ для погребенія въ монастырь Св. Георгія. Князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ съ супругою и всѣ вышепоименованныя лица слѣдовали пѣшкомъ за гробомъ, по большой дорогѣ, ведущей въ деревню Байдары, до поворота на частную дорогу къ Алупкинской церкви. Душевная скорбь, выражавшаяся на лицахъ присутствовавшихъ при отпѣваніи и выносѣ тѣла, какъ родственниковъ покойнаго, такъ и его приближенныхъ служите-

лей, и всѣхъ, не только имѣвшихъ счастіе лично знать его, какъ высокаго и добродѣтельнаго государственнаго сановника, были доказательствомъ той горести, которую вселила его кончина.

«Преосвященный Митрополитъ Агаѳангелъ, пребывающій въ монастырѣ Св. Георгія, распорядился о принятіи тамъ тѣла покойнаго, а Таврическій Гражданскій Губернаторъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Рославецъ, поѣхалъ туда изъ Симферополя чрезъ Бахчисарай, чтобы присутствовать при погребеніи».

III.

Слово, произнесенное Протоіереемъ Андреемъ Накропинымъ при отпѣваніи тѣла покойнаго Князя А. Н. Голицына:

«*Блажени умирающіи о Господѣ, ей, Духъ глаголетъ, да почіетъ отъ трудовъ своихъ.*

«Намъ представляются два противоположныхъ пути: путь шествія нашего къ Богу и путь нашего удаленія отъ Него. Первый путь есть прямой путь нашего вѣчнаго блаженства; второй путь есть путь, ведущій къ заблужденію и потомъ къ вѣчному злоключенію.

«Наше слово будетъ кратко касаться этихъ двухъ путей.

«Назовемъ предварительно первый путь путемъ нашей вѣры, надежды и любви; второй — путемъ невѣрія, безнадежности и вражды человѣка съ самимъ собою. Шествовавшій путемъ вѣры, какъ человѣкъ блаженный, умираетъ о Господѣ; шествовавшій путемъ невѣрія умираетъ безъ Него злополучно. Къ первому въ предсмертный часъ приходитъ святая вѣра съ пламеннымъ свѣтильникомъ любви, и озаряетъ его несомнѣннымъ упованіемъ, что за предѣлами видимаго пространства и опредѣленнаго вре-

мени есть другая, вѣчная блаженная жизнь, жизнь вѣчной любви, *идѣже нѣсть болѣзни, печали, ни воздыханія.* Но какъ умираетъ шествовавшій путемъ удаленія отъ Бога, путемъ невѣрія, безнадежности и вражды съ самимъ собою? Онъ куда ни обратится, нигдѣ не имѣетъ никакой опоры. Взоръ его видитъ одну ничтожность земнаго бытія; слухъ его оглушается шумомъ мірской суетности; духъ его изнемогаетъ подъ тяжестію невѣрія, которое повергаетъ несчастнаго въ бездну мрачнаго царства вѣчной смерти.

«Обратимся теперь къ жизни *умершаго о Господѣ*, безмолвнаго виновника настоящаго печальнаго собранія. Не станемъ исчислять его служенія для пользы государственной, гдѣ онъ былъ мужемъ правды, съ сердцемъ, полнымъ любви; упомянемъ поверхностно, что онъ въ продолженіе четырехъ царствованій удостоенъ былъ не только Монаршихъ наградъ, но былъ дружественнымъ совѣтникомъ двухъ Монарховъ. Какъ государственный и какъ частный человѣкъ онъ одинаково былъ другомъ человѣчества. Это подтвердятъ не только мужи государственные, духовные пастыри, близкіе ему родные, искренніе друзья, окружавшіе его подчиненные и служители, но и всѣ, кои только по слуху знали его. Престольный градъ Петровъ, гдѣ провелъ почти всю свою жизнь отъ юношества до старости, свидѣтель его человѣколюбивыхъ подвиговъ. Но его внутренняя жизнь? О, это жизнь, развитая вполнѣ для небесъ, жизнь, изъ коей на землѣ истекалъ потокъ живой воды для напоенія и цѣленія страждущихъ духовно и вещественно! Съ какою младенческою невинностію, по вѣрѣ въ Искупителя, онъ предавалъ себя въ волю Божію! Почившій о Господѣ! Я обращаюсь моимъ словомъ къ тебѣ самому. Завѣса, за-

крывающая міръ духовный отъ нашего зрѣнія, предъ тобою рѣдѣла, но не открывалась. Не открывалась по той причинѣ, что ты въ стремленіи своемъ къ міру духовному забылъ бы окружающее тебя земное, назначенное тебѣ поприще жизни, и тогда жизнь твоя была бы жизнію для себя собственно; не открывалась потому, что въ тебѣ возгорѣлось бы пламенное желаніе преждевременной, предназначенной тебѣ жизни. Мнѣ, какъ посреднику, отчасти извѣстны послѣднія минуты твоего пріуготовленія къ вѣчности. Тѣло твое слабѣло, приближалось къ разрушенію; но духъ не изнемогалъ: онъ дѣйствовалъ свободно, безъ напряженія, парилъ какъ звѣзда въ безконечномъ небѣ по своему опредѣленному пути. Силу души твоей показываетъ отпечатокъ твоего лица, безболѣзненнаго и спокойнаго. Какъ бы по тайному предчувствію, за день до твоего отъ насъ отшествія, съ твердою вѣрою, непоколебимою надеждою и пламенною любовію къ Іисусу Христу, ты соединился съ Нимъ посредствомъ причащенія Святаго Тѣла и Честныя Крови Его. Съ какимъ глубокимъ, невыразимымъ чувствомъ ты смиренно палъ предъ чашею спасенія и прерывающимся, но твердымъ и громкимъ голосомъ произнесъ умилительную молитву причащенія: *Вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко Ты еси во-истину Христосъ, Сынъ Бога живаго»!* И такъ, не блаженъ-ли ты поистинѣ, умершій о Господѣ! Вотъ что значитъ, братія, достигнуть христіанской кончины *безболѣзненно, непостыдно, мирно!*

«Въ заключеніе нашего краткаго изложенія скажемъ: гробъ твой не окружаютъ видимые знаки мірскаго величія и признательности къ твоему служенію на поприщѣ государственномъ,—этого нѣтъ по твоему завѣщанію, но зато невидимо окружаютъ твой гробъ, какъ благіе

духи, добрыя дѣла твои. По тому же смиренному завѣщанію предается землѣ бренное тѣло твое, маститый сановникъ, безъ всякихъ внѣшнихъ почестей, въ древней уединенной обители на берегахъ Понта Эвксинскаго, гдѣ маститый іерархъ совершаетъ надъ гробомъ твоимъ молитвы о упокоеніи кроткой души твоей въ селеніи праведныхъ. Миръ праху твоему! Спасеніе доброй душѣ твоей! Боже святыхъ и Господи благости! Упокой душу раба твоего болярина Князя Александра во свѣтѣ невечерняго, блаженнаго твоего царствія.»

Здѣсь же, вотъ что̀ въ *«Сѣверной Пчелѣ»* было напечатано:

I.

«Многочисленнымъ почитателямъ Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника 1-го класса, Князя Александра Николаевича Голицына, извѣстно, что онъ, лѣтомъ 1842 года, на дорогѣ къ мызѣ своей Гаспрѣ-Александріи близъ Ялты, въ Таврической губерніи (*), постигнутъ былъ совершенно слѣпотою, и тяжкій сей крестъ принялъ съ кроткимъ, безропотнымъ терпѣніемъ христіанина.

«Горестнымъ казался для всѣхъ жребій заслуженнаго мужа, прибывшаго въ новый край въ такомъ состояніи; но онъ, покорный волѣ Бога, два года назидалъ всѣхъ, кто къ нему приближался, выраженіемъ своего убѣжденія, что Провидѣніе всѣхъ ведетъ къ лучшему непостижимыми путями попеченіемъ о каждомъ человѣкѣ, услаждалъ посѣщавшихъ его тою привѣтливостью, которая всегда привлекала къ нему сердца, удивлялъ великимъ спокой-

(*) Мыза сія отъ дѣтей Князя Николая Сергѣевича, по всегдашнему ихъ пребыванію въ Москвѣ, перешла чрезъ продажу во владѣніе Князя Сергѣя Викторовича Кочубея.

ствіемъ духа, знаменателемъ довѣрчиваго преданія себя волѣ Господней.

«И два года сіи провелъ онъ въ благоговѣйномъ возвышеніи духа къ Промыслу, и какъ человѣкъ, которому ни что не чуждо въ сферѣ человѣческихъ знаній, любилъ слушать многое изъ новыхъ и древнихъ писателей, углублялся въ свое прошедшее, слѣдилъ настоящее и живо и искренно сочувствовалъ всему, что породнилось съ его душою и сердцемъ.

«Счастливая теперь послѣдовала перемѣна въ жизни Князя Александра Николаевича. Въ началѣ нынѣшней осени возвращено ему зрѣніе посредствомъ операціи, которую совершилъ призванный имъ Ординарный Профессоръ Университета Св. Владиміра въ Кіевѣ, Караваевъ, извѣстный не только у насъ въ Россіи, но и въ остальной Европѣ.

«Операція сдѣлана въ 28 секундъ и удостовѣрила въ искуствѣ самостоятельнаго оператора, который, во время шестинедѣльнаго нахожденія въ Александріи, посвящалъ свободныя свои минуты на благо приходившихъ искать его помощи бѣдныхъ людей, и сдѣлалъ, безмездно, 60 операцій, которыя всѣ имѣли благополучный исходъ; инымъ сняты катаракты, другимъ исправлено косоглазіе, нѣкоторымъ вырѣзаны рѣсницы, начавшія врастать во внутренность глазъ; одному, наконецъ, мальчику, уничтожена кривизна ступени.

«Въ письмѣ къ корреспонденту своему, Князь изъяснилъ въ заключеніе: «Я долгомъ счелъ васъ объ этомъ увѣдомить, чтобы познакомить чрезъ васъ всѣхъ съ Караваевымъ, которому я обязанъ дать сіе справедливое свидѣтельство».

«Всѣмъ, кто любитъ князя, кто привязанъ къ нему по чувству дружбы или признательности, добрая вѣсть о немъ будетъ, конечно, утѣшительна.»

II.

«Едва достигла, и, можетъ быть, не всѣхъ еще друзей и почитателей Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника 1-го класса Князя Александра Николаевича Голицына, добрая вѣсть о немъ, что онъ прозрѣлъ на видимый міръ, какъ смѣнила ее иная, горестная для всѣхъ знавшихъ его. Онъ скончался 22-го минувшаго Ноября въ мызѣ своей Гаспрѣ-Александріи, на 71-мъ году отъ рожденія.

«Неисповѣдимы, поистинѣ, судьбы о немъ Небеснаго Отца! Казалось, послѣ испытанной Княземъ Александромъ Николаевичемъ, въ прошлую зиму, опасной болѣзни, со всѣми признаками водяной въ груди, отдалъ онъ дань новому для него климату, и чудесное сохраненіе его ручалось за долголѣтіе; казалось, послѣ недавняго прозрѣнія, жизнь его потечетъ свѣтлою струею любви, его элемента. Но не вѣрны человѣческія предположенія! Господь творилъ свое: Онъ даровалъ ему утѣшеніе насладиться воззрѣніемъ на величественную природу юга, на безмятежное земное его обиталище, и судилъ испытать, впослѣдніе, силу вѣрующаго его духа: въ началѣ прошлаго мѣсяца постигли его прежнія страданія, въ сильнѣйшей даже степени; онъ мужественно переносилъ ихъ до послѣдняго вздоха и, предчувствовавъ за нѣсколько дней свою кончину, изъявилъ предсмертную волю о преданіи землѣ бренныхъ останковъ его въ Греческомъ Балаклавскомъ монастырѣ Св. Георгія, безъ всякой пышности.

«Воля сія исполнена, и 25-го числа совершено погребеніе доблестнаго и благодушнаго старца.

«Теперь, когда онъ, сановникъ государственный, мужъ добра и правды, предсталъ предъ престоломъ Царя Царей въ смиреніи и преданности, всѣ друзья его и почитатели примутъ утрату его, конечно, не только съ прискорбіемъ, но и въ благоговѣніи къ волѣ Господа Спасителя, призвавшаго его къ покою вѣчному, въ свои, краснѣйшія лѣпотою, обители вѣрующихъ.»

III.

«Къ намъ пишутъ изъ Москвы слѣдующее: «10-го Декабря текущаго года, по случаю кончины Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника 1-го класса, бывшаго главноначальствующаго надъ Почтовымъ Департаментомъ, Князя Александра Николаевича Голицына, въ Почтамтской церкви Гавріила Архангела совершалъ божественную литургію, съ двумя Архимандритами, и потомъ панихиду по усопшемъ, Святѣйшаго Правительствующаго Синода Членъ, Высокопреосвященнѣйшій Филаретъ, Митрополитъ Московскій и Коломенскій. Въ храмѣ при богослуженіи присутствовали: Московскій Военный Генералъ-Губернаторъ, Генералъ-отъ-Инфантеріи Князь Алексѣй Григорьевичъ Щербатовъ, Дѣйствительные Тайные Совѣтники: 1-го класса, Князь Сергій Михайловичъ Голицынъ и, 2-го класса, Алексѣй Васильевичъ Васильчиковъ и нѣкоторыя другія знатныя особы и дамы, привлеченныя любовью, благодарностью и глубокимъ уваженіемъ къ доблестному старцу, скончавшемуся 22-го прошедшаго Ноября, въ своемъ помѣстьѣ, въ Крыму. Почтдиректоръ Московскаго Почтамта и всѣ чиновники, служащіе въ Москвѣ по вѣдомству почтовому и присутствующіе при сей печальной церемоніи, искренно оплакивали высокаго государственнаго сановника и кроткаго, благотворительнаго человѣка. Они опла-

кивали его какъ дѣти своего отца, какъ подчиненные, имѣвшіе счастіе находиться болѣе 20 лѣтъ подъ его попечительнымъ начальствомъ, съ коимъ на-вѣки должны были разлучиться. Выборъ воскреснаго дня доставилъ всѣмъ чиновникамъ возможность находиться при совершеніи литургіи и панихиды. Это была наружная почесть, отдаваемая ими бывшему, всѣми уважаемому начальнику; но молитвы ихъ, истекавшія изъ сердецъ, чистосердечною, живою горестью наполненныхъ, внушаемы имъ были чувствомъ внутреннимъ, пламенно свидѣтельствовавшимъ скорбь, любовь, уваженіе и благодарность всѣхъ къ общему благодѣтелю. Съ непритворною горестью въ сердцѣ и съ слезами на глазахъ, всякій изъ нихъ, клавши по усопшемъ земной поклонъ, могъ воскликнуть: «Кто не былъ тобою огражденъ, утѣшенъ, призрѣнъ, награжденъ! Ты нетолько ни кого не притѣснялъ, не преслѣдовалъ, но гнѣвомъ твоимъ даже не огорчалъ! Ты былъ истиннымъ христіаниномъ, и въ продолженіи полувѣка вѣрнымъ слугою Россійскихъ Самодержцевъ! Ты былъ другомъ ближняго твоего. Царство тебѣ небесное, мужъ праведный!».

Высокопреосвященный Филаретъ, узнавъ о кончинѣ Князя Александра Николаевича, коего былъ истиннымъ почитателемъ, самъ предложилъ тотчасъ почтить горесть чиновниковъ Московскаго Почтамта и память по умершемъ совершеніемъ литургіи и панихиды своею особою. Истинно добродѣтельнымъ на землѣ сей присвоено то рѣдкое утѣшеніе, что они оставляютъ на оной не льстецовъ, или корыстолюбцевъ, но друзей искреннихъ, друзей такихъ, которыхъ гробовая доска не только не разлучаетъ съ ними, но еще тѣснѣе соединяетъ.

«Многіе изъявляютъ сожалѣніе, что покойный Князь Александръ Николаевичъ окончилъ жизнь тогда, какъ воз-

вращено ему зрѣніе счастливо совершившеюся операціею. Въ прежнемъ положеніи его всякій могъ бы равнодушно оставить свѣтъ, отъ коего находился какъ будто отчужденнымъ вѣчною тьмою; но христіанская, тихая кончина князя послѣ прозрѣнія, кончина, сопровожденная трогательными обстоятельствами, доказываетъ твердость его души, теплую вѣру, чистую, непорочную совѣсть и попечительность о людяхъ, сердцу его близкихъ. Онъ умеръ, имѣвъ утѣшеніе воззрѣть еще разъ на природу и освященный имъ въ Крыму храмъ Божій.

«Не напрасно же Премудрый Глашатай вѣковыхъ истинъ сказалъ:

«Благаго житія число дней и доброе имя во вѣки пребываетъ! . . .»

Записки сіи предназначены къ распродажѣ въ пользу школы Дѣтскаго Тюремнаго Пріюта, по 50 коп. сер. за экземпляръ. Желающіе могутъ пріобрѣтать ихъ или въ зданіи Комитета призрѣнія нищихъ у завѣдывающаго домомъ Надв. Совѣт. Луки Діонисіевича Зимницкаго, или у Визитатора подвѣдомыхъ Дамскому Комитету тюремныхъ учрежденій, Полковника Петра Семеновича Лебедева, въ Торговой же улицѣ, въ домѣ г-жи Лавинской.

